

Наталья Бабочкина

Полководцы древней Руси

Православные поэмы

Святой благоверный
великий князь Владимир Мономах,
внук Ярослава Мудрого,
правнук Владимира Крестителя

Святой благоверный
великий князь Александр Невский,
внук Всеволода Большое Гнездо

Святой благоверный
великий князь Дмитрий Донской,
внук Ивана Калиты,
правнук князя Александра Невского

Наталья Васильевна Бабочкина

Полководцы Древней Руси

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74687176

Полководцы Древней Руси: православные поэмы / Н. Бабочкина: Четвере;

СПб; 2026

ISBN 978-5-908165-13-6

Аннотация

Книга «Полководцы Древней Руси» – это не просто биографическая летопись ратной славы нашей Родины. Это православные поэмы. В данном жанре в 2025 году у автора вышла книга «Восемь столпов православия», посвящённая жизнеописаниям основателей Киево-Печерского монастыря, Свято-Троицкой Сергиевой лавры и их сподвижников в строении храмов на Руси. В новой книге автор обращается к эпохе становления и расцвета Киевской Руси, к победам выдающихся полководцев прошлого – Владимира Мономаха, Александра Невского и Дмитрия Донского.

Содержание

Дорогие друзья!	6
Поэма первая. Великий Князь Владимир Мономах	8
Глава 1. Главный урок детства	9
Глава 2. Змиевы валы	13
Глава 3. Рюриково древо	17
Глава 4. К Антонию и Феодосию	21
Глава 5. Половцы. 1061-й год	25
Глава 6. Тяжелые времена	29
Глава 7. Смерть Ростислава	33
Глава 8. Князь ростово-суздальский	37
Глава 9. Предательство Всеслава и Гита	41
Глава 10. Бунт и освобождение Всеслава	45
Глава 11. Конец киевской смуты	49
Глава 12. Смоленский князь	53
Глава 13. Первые святые и «„Русская Правда“»	57
Глава 14. Волынский князь	61
Глава 15. У отца в Переяславле	65
Глава 16. Женидьба Мономаха	69
Глава 17. Смерть Святослава	73
Глава 18. Великий князь Изяслав	77
Глава 19. Смерть Изяслава	81

Глава 20. Всеслав и Любеч	85
Глава 21. Каким был Мономах	89
Глава 22. Походы в 80-х годах...	93
Глава 23. Смерть Ярополка	97
Глава 24. Смутное время	101
Глава 25. Смерть Всеволода	105
Глава 26. Святополк. Новый передел	109
Глава 27. Снова в Переяславль	113
Глава 28. Разгром половцев. Смерть Изяслава	117
Глава 29. Олег, брат мой...	121
Глава 30. Любечский съезд князей. Часть 1	125
Глава 31. Любечский съезд князей. Часть 2	129
Глава 32. Междуусобицы	133
Глава 33. Усиление Киева	137
Глава 34. Думы Мономаха	141
Глава 35. Согласье на поход. 1100-й год	145
Глава 36. Вечный мир	149
Глава 37. Разгром половцев. Часть 1	153
Глава 38. Разгром половцев. Часть 2	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Наталья Бабочкина

Полководцы Древней Руси

© Н. Бабочкина, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Дорогие друзья!

Предлагаю вашему вниманию вторую книгу православных поэм «Полководцы Древней Руси».

Книга состоит из трёх поэм: о миролюбивом и богобоязненном Владимире Мономахе, который за 72 года провёл 69 сражений и даже брал на войну семилетнего сына; о непобеждённом Александре Невском, покорившем три народа и отравленном Ордой; о Димитрии Донском, которого благословил на Куликовскую битву сам Сергей Радонежский, а также об истории жизни посла Димитрия, отправленного к татаро-монголам.

Работая над поэмами, я лишний раз убедилась в том, как мало знаем мы свою историю и как она интересна. В самом деле, что дошло до наших дней о Димитрии Донском? Практически только Куликовская битва. А сам образ хранителя семейных традиций с его двенадцатью детьми нам почти неведом. А личность Александра Невского, на пороге смерти принявшего постриг? Владимиру Мономаху повезло немного больше. Но самое интересное – это становление характера Мономаха, нежного и доброго голубоглазого мальчика.

Вот поэтому мне захотелось, чтобы и вы узнали как можно больше о полководцах Древней Руси.

Читайте эту увлекательную книгу с удовольствием.

Наталья Бабочкина

Поэма первая. Великий Князь Владимир Мономах

Глава 1. Главный урок детства

Был Ярославом Мудрым его дед,
второй дед – император Византии...
Казалось бы, имён славнее нет,
но всем нам мойры что-то посулили.
И перед смертью Мудрый Ярослав
приехал к сыну Всеволоду смело,
проститься с внуком, коего так ждал,
дать сыну наставление хотел он:
«На Киевский престол не претендуй,
не множь ты распри, всё придёт однажды.
Владимира ты с детства не балуй,
воспитывай и честным, и отважным».
И Всеволод послушался отца,
оставил киевский престол в покое,
в Переяславль покорно подался,
чтоб ссоры не плодились нынче боле.
Когда же вскоре Ярослав усоп,
похоронили, Изяслава – в Киев,
а остальные среди сотен троп
к местам своим покорно поспешили.
И Всеволод с женой, и его сын,
что годовалым был. Хоть имя дали,
Владимиром с рождения назвали

и Мономахом. Он такой один –
был сыном матери из Византии.
И Всеволод надежды столь большие
на сына возлагает. И не зря!
Прекрасная и светлая заря
рождение его знаменовала
и тем отцу надежды подавала.
В Переяславле детство проводя,
тревогами души не бередя,
уже в три года на коня сажают,
все празднуют рождение его,
а знать и гости все сопровождают,
обычаю вручая естество.
Приставлен дядька, и готов конёк,
которого ко княжичу подводят.
Княгиня взгляд от сына не отводит.
Истёк ведь женской половины срок,
не баловать уж мамкам. Должен он
учиться ратным подвигам неспешно.
Конечно, очень маленький, сердешный,
но что поделать – ведь таков закон.
Князь создан для того, чтоб воевать,
храня народ и княжество, а значит –
зависит от него в бою удача.
И челядь понимает то, и знать.
Вот дядька поднимает его вверх,

показывая площади. Все гулом,
столь одобрительным, его фигуру
встречают. Он и вправду лучше всех.
Поднёс его к коньку. Он сел в седло,
а пестун рядом, он сопровождает.
Вцепился княжич. Дядька рассуждает:
«Ты выпрямись, гляди на всех светло».
Тот выпрямился, бросил взгляд назад,
отца увидел, мать с сестрою Янкой.
Так началось ученье спозаранку.
Он едет, все вокруг стоят, глядят...
Зато потом почти что каждый день
он с пестуном во чисто поле едет,
учёбу постигает, коей бредит.
Уроки повторять ему не лень.
А дядька-то о прежних временах
рассказ ведёт да битвы вспоминает.
Владимир только слушает, мечтает.
И в этих затянувшихся мечтах
он думает, что ведь настанет час,
когда и он отправится в походы...
Ну а пока идут учений годы,
былины вспоминает он не раз...
Ещё урок, что мать ему дала,
когда он был немного помоложе.
Вот вылетел он из седла, и что же?

Так больно... Но сказала вдруг она:
«Поймай и сядь. Ты князь!» И этот тон,
что прежде был ему пока неведом,
был повеленьем, не подвластным бедам.

И сразу покорился ему он.

Льёт слёзы, но поймал и сел в седло.

Так понял он, что повеленье – свыше
всего того, что он и прежде слышал.

Не рассуждая, выполнил его.

Так Анна сына научила враз,
что право повеленья без сюрпризов
заставит подчиняться без капризов.

Но повеленье – княжеский лишь глас.

Раз князь, держи и слово, чтоб дела
вовек не расходились с твоим словом.

И Анна своим возгласом суровым
урок сей преподать ему смогла...

Глава 2. Змиевы валы

Как много раз он с дядькою в поля
ходил, былины слушая сердечно!
Он понимал, что там нельзя беспечным
быть, – половцами полнится земля.
Уже он знал про Змиевы валы,
что защищали Переяславль так прочно,
и захотелось разглядеть всё точно,
как всем нам в детстве. Видимо, правы
те, что о людях судят по делам.
Пустые игры княжичу не дело
вести. Его учили так умело
делам, поступкам, сказанным словам.
Не только ратный труд, но труд людей
так важен, чтоб понять, кому защитой
вставать. Покуда станешь именитым,
солёный пот и трудности везде.
Вот боле часа по степи идут,
чтобы увидеть стрёбленный редут.
Внезапно перед ними вырастают
валы. А рядом люди – восполняют
разрушенное временем. Сам вал
из клетей состоял. Они ж – из брёвен.
Потом уж набивали их землёю,

чтоб вал врагам прохода не давал.
Вал невысок, но въехать на коне —
не думай даже. Спешивался воин,
чтоб обойти, и был тем недоволен.
А кони все стояли в стороне.
Такую стену мыслимо ль разбить?
Перешагнуть бы? Только ты не думай.
Стояли Змиевы валы угрюмо,
чтоб от врагов неожиданных защитить.
Валы на юге упирались в Днепр,
на севере им Трубеж был защитой,
с востока охватив страну сердито,
врагов с конями разделив вполне.
Заминок этих и хватало всем,
чтобы предупредить — враг на пороге,
собрать дружину споро и в дороге
до тех валов домчаться без проблем.
«Смотри же, княжич, — дядька говорил. —
Придёт пора испытать из ратной чаши,
чтоб подвиги немислимые наши
узнал весь свет». И он ведь не хитрил.
Он понимал, какая доля ждёт
любого князя, как войдёт он в возраст,
о землях о своих беспокоясь,
какую жизнь тогда он поведёт...
Вот так и шли неспешно его дни

между учёностью и лаской князя,
книг греческих, любимой мамы фразой
и красотой земли. Он сохранил
всё в памяти своей. Семь лет настало.
Пришла пора ученья для него.
Попа князь со княгиней одного
ввели, который тоже знал немало.
Ему подробный дали инструктаж,
как обращаться с княжичем, что должен
он знать. И тот приказ был непреложен.
И Всеволод принёс ему тогда ж
славянские тома, а уж княгиня
велела, чтобы греческий отныне
знал княжич и другие языки.
Немного отодвинулись полки
и ратная наука. «Чадю, сядь,
научимся читать мы и писать».
Священное Писание – вперёд.
Но трудно обучение идёт.
Псалтирь... Но сложно княжичу понять
Давидовой молитвы благодать.
Тем слаще книга та, что дал отец.
Её монах Георгий наконец
писал когда-то. И Владимир враз
захвачен этой книгой, ведь рассказ
шёл не о мирной жизни – о войне.

И люди ей захвачены вполне.
Там предают и грабят все года.
Обычным делом было то тогда.
Там нарушают договоров строй,
зато кто победит, тот и герой...
Вот закрывает княжич книгу – мир
враз обнимает, чтобы среди игр
забыл и боль, и горе он людей.
Из чаши этой горе не пролей.
Но нет, придёт пора из чаши сей
и княжичу испить своё до края.
Ну а пока жизнь мирная, земная.
Ещё не раз сам вспомнит он о ней...

Глава 3. Рюриково древо

По праздникам съезжались в Киев-град.
И первую поездку княжич помнит.
Был яркий, раскалённый солнцем полдень,
и Киев он увидеть был так рад.
В поездку Всеволод с собою брал
всё, что могло понадобится, – значит,
сосуды, книги, псы. И не иначе.
Там, в Киеве, он в доме проживал,
что Ярослав построил для него.
На несколько недель ведь приезжали,
дружина со охраною бежали,
приезд провозглашая самого.
Всё Рюриково древо по утрам –
к заутрене. Впервые княжич юный
увидел тех, о ком он и не думал,
с кем и бороться, и дружить... Все в храм
пришли. Князь Изяслав с семьёю,
что в Киеве сидел. За ним по строю –
и сыновья Мстислав и Святополк,
и Ярополк, и дочь, одета в шёлк.
По праву руку князь был Святослав,
второй сын Ярослава, а с ним рядом –
княгиня с сыновьями, строгим взглядом

к спокойствию детей своих призвав.
Там Глеб, Олег, Давыд был и Роман.
Вы спросите, к чему подробность эта?
Да потому, что войны все по свету
от родичей. Уж суждено ль так нам
иль сами в том повинны, но выходит,
что по законам жизни и природы
власть делится, увы, не пополам,
а сильным покоряется, словам
не веруя, невольно предавая,
воюя и мирясь, и погибая...
По леву руку – Всеволод, наш князь,
с княгиней и детьми. Все, помолясь,
вели себя, как совесть позволяла.
Ещё потомков Мудрого немало.
Вот Ростислав... Но вряд до них дойдёт
и киевский престол, и даже тот,
которого не жалко. Изяслав
богобоязнен был и величав.
А Святослав всё двигался вперёд.
И дети его тоже. Зло берёт,
как тяжело смотрели все они
на княжича Владимира. И сам он
отца не узнавал. Спокойный самый,
тот в напряжении. Пойди пойми,
что происходит... После, на пиру,

ребёнок вдруг почувствовал игру,
что между внуками сейчас происходила.
Намёки и его душа враз уловила.
И лишь наутро Всеволод велел,
чтоб княжичу боярин их Гордыта
открыл всё то, о чём даже ребята
подумать не могли средь ратных дел.
У княжича спокойствие в душе
разрушено навечно. Он не знает,
что вскоре сам он в игры заиграет,
что всем им предназначены уже,
что будет вечным для одних врагом,
а для других – попеременно другом,
что родственные связи тесным кругом
внезапно опояшут всех кругом...
«Запомни: Ростислав – наш главный враг,
владими́ро-волы́нский князь беспечный».
Владими́ру неведомо, конечно,
что сам он станет князем там... Итак
ведь Новгород ему по жизни был
суждён, и вот его в Ростов сажают,
а Всеволод Владимира мечтает,
как вырастет, чтоб был посажен он.
Вот почему так мрачно Ростислав
и смотрит на Владимира. Истоки
вражды, хоть и горьки, да недалёки.

И княжич молодой о них узнал.
Но целится и Святослава род
на все престолы. И молва идёт,
что так непросто сложится судьба,
хоть говорят, что всё решит борьба...
Рассказывает дядька обо всём.
И понял княжич, что отец решил
вводить его в курс дела. Нету сил
уже молчать, раз Богом припасён
нам жребий отвоёвывать своё.
Знал Всеволод, что время настаёт
вводить в курс дела сына, ведь ему
за всё теперь придётся самому
бороться. Расстановку зная сил,
Господь поможет, чтоб он победил.
Окончен детства быстролётный миг.
И не научат этому из книг...

Глава 4. К Антонию и Феодосию

Боярин о соседях рассказал.
Мирились с ляхами, порой борясь,
соседская не прерывалась связь.
Наверное, Господь так наказал.
Но умер Казимир. Как повернут
наследники, не ведает никто,
а потому и думаем про то,
что вдруг военный ожидает путь.
Три брата честно поделили, но
гордыня часто правит всё равно,
власть рушит мир, нам головы кружа,
над жизнью нашей брэнною дрожа.
Про угров, венгров, был другой рассказ.
Там распря до сих пор идёт как раз.
Сестра оттуда к Генриху бежит,
но шаткий мир покуда не дрожит.
Лукавых греков помнить надо нам.
Стараются они по временам
поссорить с папой и в борьбу втянуть.
Как умер Ярослав, так тотчас в путь
посланники от папы – проклинать
отступников от Византии. Знать,
главенство их у нас ведь не в чести.

Своих на церковь ставим мы. Прости.
Да, прокляли. Анафема в ответ
легатам папским прозвучит вослед.
Так церкви оформляется раскол.
И это только меньшее из зол.
Увещевания на Русь идут.
Пока Иларион был в церкви тут,
глядели на Руси на всё легко.
Илариона нет, он далеко.
Оттуда не вернёшься. Ефрем-грек —
на его месте. Умоляет всех
за Византию честно порадеть.
И мать просила тоже поглядеть
в ту сторону. Да против латинян.
Теперь ему понятен стал намёк.
Он разберётся сам, наступит срок,
он жаждой разобратся обуян.
Все праздники, стояния прошли,
пора им возвращаться до земли,
в которой проживают. Но ведут
туда все ноги, где давно их ждут.
Вошёл в пещеру, как простолюдин.
Печерский ведь игумен там один,
что Феодосием зовётся... Он
одет в холстину. А со всех сторон
пещера обступила. Пали ниц.

На головы он руки им кладёт,
своё благословение даёт.
Взгляд божий из-под выцветших ресниц.
Потом встают, садятся рядом, чтоб
беседу повести о том о сём,
что жизнью в просторечье мы зовём.
А у него ответ уж припасён:
«Антония увидите едва,
десятый день в затворе он молчит.
Кусочек хлеба да стакан в ночи
приносят те, в ком вера-то жива».
Владимир слышал о печерских всласть,
как ради Бога презирают власть,
как постоянно умерщвляют плоть,
чтоб своеволие в душах побороть...
И он, частенько слушая рассказ
о подвигах, рыдал порой не раз,
жалея их... Игумен речь ведёт
о том, что в Переяславле идёт,
что думают и про Всеслава все,
что нынче в диком поле властелин,
где половцы кочуют. Он один
враг главный русский стал во всей красе...
Дивился Мономах. От дел мирских
уйдя, ведь разговор ведут о них.
И всё-то знает он и всё постиг.

Границы нет нам в помыслах своих.
То был 1060-й год.
И Мономаху год седьмой идёт.
Но Всеволод отправился в поход.
И возвращения сын покорно ждёт.
Ведут людей, добычи полный воз.
А у Владимира один вопрос –
так жаль людей ему. Отец в ответ:
«Коль выиграли бы, то много лет
держали бы нас в рабстве. Не жалея,
а лучше мне воды испить налей.
В походе быть, поверь, нелёгкий труд.
Один Господь над нами властен тут...»

Глава 5. Половцы. 1061-й год

Шёл тысяча шестьдесят первый год.
На Русь впервые половец идёт.
Степь полнится ими, за родом род –
Орда та половецкая растёт.
Сначала через Волгу перешли,
ну а потом и к Дону подошли,
враз печенегов с торками побив,
на Русь все свои думы устремив.
Дошли и до Дуная, присмирив,
и стали свои земли обживать.
Их кочевые вежи побеждать
непросто было. Дрался всяк, как лев.
У половцев немало есть родов,
И каждый с нами воевать готов.
А к северу границы их земли
вплотную к нашим землям подошли.
И берендеев с торками уж нет.
На Русь прямой дороги виден след.
И встали друг на друга две страны.
Конечно, воевать они должны.
Их сотни тысяч. Как тут устоять,
когда пойдут такие воевать?
От пастбища до пастбища идут

и на прокорм свой скот туда ведут.
Всё сокрушают на своём пути,
не удержать желающих пройти.
Зимой поближе к югу все идут,
а летом по степям они бредут.
Тучнеет скот, и близится пора
набегов с половецкого двора.
Беда тому, кто станет на пути,
ведь конную лавину не пройти.
Арканы, луки, копыя в ход идут.
Забрасывали стрелами всех тут.
Мгновенно всё сжигают и, забрав
всё то, что есть, отходят. Сильный прав.
Развалины, где раньше был набег.
Невольников вослед они ведут
на рынки юга, где давно тех ждут.
Вот так и побеждали они всех.
Попался сильный враг – оборонись:
поставь телеги в несколько кругов,
и уж сопротивляться ты готов.
Вот так они спасали свою жизнь.
И чувствовали русы, что в степях
подстерегает вероломный враг.
Он наблюдает, зная, где они,
кто «за», кто «против», наполняя дни
все наблюдениями до краёв.

И вот их выход. Ты к нему готов?
Зимой пошли, законам вопреки.
Мы торков победили. Не с руки
нам воевать. Все празднуют вокруг.
Не до защиты всем теперь. И вдруг
костры запылали. Близок враг.
К Переяславлю подобрались так.
Окрестные ограбив сёла все,
ко городу они во всей красе
на низких лошадёнках. Как тут быть?
Никто не смог нас и предупредить.
Нет времени других на помощь звать,
и Всеволод решает выступать...
Два дня горят и сёла, и дома.
Вернулся князь в два дня. Беда сама
заставила ворота затворить.
Переяславль не стали сторожить.
Земля переяславская лежит,
коварный враг легко по ней бежит,
всё выжигая на своём пути.
И сам Владимир вечером притих,
когда отец повёл о том рассказ:
«И прежде отбивались много раз.
И понял хан Искал, что нас не взять.
Да и не знаем, как с ним воевать.
Тут надо всем собраться, чтоб в поход

на половцев. Тогда их разобьёт
всё войско. Знаю, нет путей других...»
Владимир слушал пуще остальных.
Ему лишь восемь лет, но это зло
запомнит он навеки. Как могло
случиться это? Что спасёт от зла?
Ни мать и ни отец. И мысль пришла,
что лишь мечу под силу победить.
И надо войском так руководить,
чтоб меч острее, крепче чтоб броня,
от смелости здесь сила и коня.
А если нет, так твой погибнет род –
отец и мать, все близкие, народ...

Глава 6. Тяжелые времена

Переяславль надолго разорён
набегами от половцев жестоких.
И возрожденья нового истоки
сам Всеволод построить обречён.
Всё, что в набегах князь завоевал,
идёт на стройку. Жить ведь людям надо,
платить все сборы. А с чего? Досада
берёт, когда он это вспоминал.
И Всеволод Владимира учил:
«Жизнь переменчива, запомни это.
Сегодня в победителей одеты,
а завтра проиграть Господь сулил...
Запомни, в жизни будет так не раз.
Она, как колесо, к нам повернётся
то доброй стороною, то смеётся
и навзничь опрокидывает нас...
Беда придёт. Но ты не унывай.
Ведь колесо вращается беспечно
и вновь к победе приведёт, конечно.
Об этом никогда не забывай...
Вся наша жизнь – извечный свет и тень,
отчаянье и радость бесконечны,
а радость, да и страх порой беспечно

нарушат и вернут нам счастья день...»
Как губка, впитывал Владимир наш
от Всеволода поученья эти.
Вестимо, что легко нам жить на свете,
когда берёшь беду на абордаж.
Росло и беспокойство на Руси.
Сам Изяслав под ляхами прогнулся,
а летописец Нестор увернулся,
заехал к Всеволоду – расспросить,
как быть: «Ведь, не дай Бог, настанет час,
когда враги и к Киеву домчатся.
Пора бы всем князьям объединяться», –
закончил он призывом свой рассказ.
Но Всеволод тоскует о другом –
от дел Ефрема-грека оттесняют
и тем его отъезд предвосхищают.
Недаром часто Всеволода дом
ему так мил. От Киева далёко...
А Святослав всё смуту затевал,
на Изяслава горестно кивал,
что отбирает земли так жестоко:
«Не трать же время, пусть Владимир твой
Ростов и Суздаль спешно забирает.
Ведь Изяслав нас извести желает,
а полоцкий Всеслав – тому виной».
А Ростислав, на дочери женат

венгерского монарха, обзавёлся
двумя детьми и в бой всё время рвётся,
смоленский стол и трон его манят...
К тому же и плохой явился знак –
вспять Волхов тёк пять дней без перерыву.
А значит, что не всякому быть живу.
И в самом деле получилось так.
Всеслав, что был из Полоцка, идёт
на Новгород и враз его сжигает,
а Ростислав Волынъ вдруг оставляет,
Тьмутаракань его, наверно, ждёт.
Одиннадцать Владимиру, и он
уже во всём умеет разобраться
и понимает, что не отыграться,
когда нарушит кто-нибудь закон...
Припомнил взгляды Ростислава он
там, в Киеве, когда он был так молод,
и по спине пополз незванный холод.
Князь Ростислав летит. Он охмелён
возможностью Тьмутаракань присвоить.
И враз взметнулись Киев да и с ним
Переяславль с Черниговом. Гоним
ведь жаждой власти Ростислав. Что сто́ит
отнять? Ведь кто силён, так тот и прав.
К тому же у него столь вздорный нрав.
В Тьмутаракань ворвался Ростислав,

сверг Глеба, все заветы разорвав...

А Глеб – ведь это Изяслава сын.

Тот в Киеве законный властелин.

Пощёчина обидна и больна.

К тому же не заслужена она...

А Святослав всё шепчет, нету сладу:

«Отнимут Ростиславичи град твой,

отнять и растоптать они так рады

наследство, веру, доблесть и любовь.

И где тогда Владимир княжить будет?»

У Всеволода мысли из-под спуда

плодят вражду, что Ростислава род

всё то, что он имеет, заберёт...

Да и Владимир недоволен был,

что могут ущемить права святые,

доселе столь понятные, простые,

что Ростислав мгновенно изменил...

Глава 7. Смерть Ростислава

А Святослав с дружиною – на юг.
Там Глеба, сына, он спасает вдруг.
Едва войска обратно отойдут,
как Глеба гонят. Непосильный труд...

А Изяслав проклятья шлёт вослед,
ведь с Ростиславом всем покоя нет.

Спокойно править Киевом нет сил.

Он Святославу помощь посулил.

И половцы забыться не дают,
обкрадывают земли день за днём.

Одни прогонят, так они в другом
уж княжестве воруют и всех бьют.

Наш Изяслав на половцев идёт.

Напрасно Святослав подмогу ждёт.

Уже стоит наизготове рать.

Знать, с половцами ей и воевать.

Вот 1064-й год.

На реку Сновь всё полчище идёт.

А половцы с добычей шли в руках.

Им, говорят, неведом даже страх.

Несут добычу в дом все поскорей,
не ведая, что русы впереди

с надеждою на выигрыш в груди.

Им конницы не развернуть своей.
У них от неожиданности шок,
и наступает рукопашный бой.
Двенадцать тысяч здесь же, под рекой,
погибли. А для русов – хорошо.
Добычу забирают и назад
идут. Погиб и половецкий князь
Искал. Но Изяслава ясен взгляд,
и радоваться оттого не рад,
что знает: силу соберут враги
и отомстить примчатся, видит Бог.
А на какой же княжеский порог –
об этом ты и думать не моги.
Гонцов в Переяславль, Чернигов шлют,
что половцы всем отомстить решат.
И Всеволод, отважная душа,
про Змиевы валы, про свой редут
припомнив, укрепляет в сотый раз.
Переяславль врагам он не отдаст.
С Владимиром он разговор ведёт,
который скоро в княжение пойдёт:
«Ты, сын мой, никому не доверяй,
а сам всё то, что важно, проверяй.
Доверишься – не оберёшь беды.
Своей земли хозяином будь ты».
А на Волыни Ростислав хотел

жену с детьми чтоб в Венгрию послать
и там лихое время скоротать.
Хотел-то он хотел, да не успел.
Примчался Изяслав, его жену
к отцу он отпустил, но взял детей.
И сразу Ростислав притих быстрее
и грабить стал чужую он страну.
Окрестные народы покорил
и дань на них крутую возложил.
Нашествия боялся Херсонес.
Лихое дело замышляют здесь.
Стратиг здесь местный затевает пир,
и Ростислава ожидает он.
Наместник византийский приглашён.
Про этот пир узнает целый мир.
Столы ломились, яств не сосчитать.
За Ростислава тост решил поднять.
От своей чаши половину он
отпил, другую дал ему. Ногтём
до края чаши прикоснулся, яд
упал и растворился. Он и рад.
И ровно через восемь долгих дней
пал Ростислав от пира у друзей.
Владимир вопрошает у отца:
стратигу надо ль гнева бояться,
ведь он за здоровье чашу поднимал,

а смерть своего гостя замышлял?
«Когда ты станешь князем, то поймёшь,
что одной честью власть не сбережёшь.
Душевные мучения свои
при выборе пути благослови.
Власть любит тех, кто без оглядки враз
поступится и честью среди нас.
Ей с простодушием не по пути,
и искренность не станет с ней идти...
А может, Бог уж Ростислава звал», –
вот так ему отец его сказал.
Второй урок был труден и тяжёл,
но он его запомнил и обрёл...

Глава 8. Князь ростово-суздальский

Тринадцать лет Владимиру. «Пора на княженье, – сказал отец с утра. – В Тьмутаракани снова Глеб сидит. Всеслав на наши земли всё глядит. Да, молод ты. И я когда-то был. Но всех нас опыт горький закалил. А мягкость сердца войны уберут. Сопротивляться им – напрасный труд». Дружину дал и проводил в поход. Владимир продвигается вперёд. Когда селенья кончились, то мох был ложем им с седлом, а в помощь – Бог. Потом и земли вятичей пошли. Предупреждал ведь Всеволод его не обижать в тех землях никого. Владимир, от рожденья справедлив, одёргивал дружину: мол, не злись. Обидишь – и зарежут ночью вмиг. Владимир был послушный ученик, да и сама учила его жизнь. Перед дорогой Всеволод учил, что главное – дружину собирать, с которою потом и воевать.

А как собрать, того не говорил.
Полк вятичей, дружину ростовчан —
такой наказ отцом ему был дан.
Детей боярских начал приглашать
да их в свою дружину зазывать.
Не смог он никого уговорить.
Боярин подсказал ему, как быть:
«Добычи десятину обещай,
врагов на разграбление отдай...»
Хоть этим можно ненависть разжечь,
но ведь дружину надо собирать.
Приходится ему пообещать
всё то, о чём зашла когда-то речь.
Теперь ему есть чем народ привлечь,
и с тысяцким он вновь заводит речь.
Так постепенно жёсткость он обрёл.
Дружину ведь, как надобно, привёл.
Князь за Софию звал их отомстить,
за Новгород. Но, пусть Господь простит,
ведь люди их не видели вовек.
За что-то должен драться человек...
Что им Всеслав? Он близких не убил.
Владимир всех людей уговорил
рассказывать, что половец богат,
что можно поживиться там стократ...
И вот зима суровая идёт.

Впервые Мономах в поход ведёт.
Уже не мальчик он и не к валам
ко Змиевым – на битву едет сам.
Он мог ли знать в четырнадцать-то лет,
что у войны конца на свете нет,
что много битв ему готовит век?
Вот набирает конь его разбег.
Когда проехали мимо села,
где рать его буяннить начала,
он воеводе строго приказал,
чтобы своих никто не обижал...
А вот и Минск является на свет.
В шатре он у отца. Идёт совет.
Решили срочно город брать на щит.
Так Святослав сурово говорит.
Деревья валят, создают таран –
и город пал, толпою обуян,
и начался невиданный разбой.
Князь – к воинам. Повсюду плач и вой.
«Князь, – тысяцкий сказал, – сейчас их час.
Тебе – победа, это же – для нас...»
И больно от того, что люди бьют
друг друга и наживу прочь несут...
Что делать? Чем ещё людей привлечь,
а надо воевать... И эта сечь,
и всё, что после следовало, он

сумел принять как воинства закон.
Жизнь рушила совсем добро начал.
Характер и менялся, и крепчал.
И вновь Всеслав летит, чтобы отбить.
Не его час. И так тому и быть.
Считался чародеем средь людей.
И с поля боя скрылся всех быстрей.
Разгром был полный. Полегло людей
бесчисленно. С добычею своей
все ехали домой, ему несли
то кубок, то оружие, и он,
сим зрелищем в тот миг заворожён,
враз принял все сокровища земли,
отобранные с ходу в том бою.
Сомнений я его не утаю.
А всё ж пьянит победа до краёв,
и сердце ошалевшее поёт...

Глава 9. Предательство Всеслава и Гита

Бороться больше не хватает сил.
И вот Всеслав пощаду запросил.
Сказал: «Смоленск не нужен больше мне».
Всех Ярославовичей он вполне
уверить хочет, что он стал иным.
И те, конечно, согласились с ним.
Клянётся всё вернуть и дружно жить,
по-прежнему, по-доброму дружить...
Туда-сюда послы, чтоб договор
о мире заключили с этих пор.
И наконец решили на Днепре,
под Оршей, встретиться и на заре
всё это дело миром завершить.
Но Святослав никак не мог решить:
всё воевать хотел да воевать.
Но начали все люди уставать
от войн и передраг... Назначен день
переговоров. В завершение крест
целуют Всеволод и Святослав. Окрест
молва идёт. Но ведь Всеславу лень
проверить всё. Доверился он зря.
Владимиру пред этим говорят

не кто-нибудь, а сам отец — сулят
предать Всеслава, лишь взойдёт заря.
Не спал Владимир, потрясённый, ночь.
И разобраться сможет ль кто помочь —
крест целовать и клясться, чтоб предать?
Как можно крест так нагло подставлять?
И если уж крестом не дорожить,
то с чем тогда нам остаётся жить?
Наутро все на берегу стоят,
на берег, что напротив, все глядят.
Вот подъезжает к берегу Всеслав,
в ладью садится, прямо к ним плывёт.
Он с сыновьями сразу подойдёт
туда, где Всеволод и Святослав.
Сам Изяслав в шатёр зовёт его.
Он не подозревает ничего.
Их спеленали, к Киеву везут,
а там уж в порубе их воины ждут.
Владимир Киев с детства полюбил,
до вечера по улицам бродил.
Он радовал церквями, и народ
приветливый в те годы там живёт.
Но смутно на душе. Седлав коня,
в Печеры мчится нынче среди дня.
В монастыре бы обрести покой.
Поможет же Антоний пусть святой.

Антоний возмущён, что Изяслав,
клятвопреступником невольно став,
такое с братом совершить посмел.
Конечно, он судить о том не смел,
невольные упрёки не сдержал.
Владимир Изяслава оправдал,
сказав, что не один ведь он вершил
сей суд. Иной и вправду согрешил.
Антоний отвечает: «Изяслав
всему виной. Даётся много прав,
но только ведь и спрос совсем иной,
раз он распоряжается страной».
Чем кончится борьба монастыря,
не знал Владимир, честно говоря.
Но смутно понимал, что не к добру
здесь всё, происходящее в миру...
Взрослел Владимир, мыслями смущён.
Он поведением князя возмущён.
Отцу свои сомнения несёт.
А у него Исаак-купец ведёт
про Англию свой разговор сейчас.
О многом говорит его рассказ.
Король Гарольд ведь в монастырь жену
отвёз, а сам завёл ещё одну.
Дочь Гита да ещё и сыновья
по матери грустят, и, не тая,

Исаак об этой девочке рассказ
заводит увлекательный тотчас.
Умнее и смышлëней её нет.
Владимир этот слушает сюжет,
невольнo увлечён. Не знает он,
что шесть лет пролетит – и обручён
он будет с нею, больше тридцати
лет об руку придётся им пройти
и чашу радости и скорби им
испить по жизни выпадет двоим...
Неведом нам Фортуны поворот.
Никто не знает, что нас дальше ждёт.
Внимательно он слушает рассказ,
который ему вспомнится не раз...

Глава 10. Бунт и освобождение Всеслава

Исполнилось четырнадцать лишь лет,
а матери в живых на свете нет.

Владимир очень долго горевал.

Жестокий мир давно его уж ждал
и втягивал и в алчность, и в борьбу,
и горько перекраивал судьбу.

Он в Киеве всю зиму прогостил
и уж к себе собраться он решил,
как половцы отправились в поход.

Всё, что у них отобрано, зовёт.

Им хочется назад отвоевать
и за Всеслава русам надавать.

Все знали, что, дружины распустив,
у родственников в Киеве гостив,
едва ли устоят все против них.

Азарт борьбы в их душах не затих.

Ждёт тысяча шестьдесят седьмой год.

По осени вдруг к половцам идёт
процессия, ведь Всеволод – вдовец.

Недопустимо это, наконец.

И это обещало долгий мир.

Приехала невеста, славный пир.

Крестили её, Анной нарекли.
Владимир понимал, что не могли
оставить люди князя без жены.
И всё ж воспоминания больны.
И дочери враз стали бунтовать,
покоя Всеволоду не давать.
Прорвались половцы. Раздался вой:
«Так вот каков он, мир хвалёный твой?»
Но не донские половцы пришли,
а те, что лишь поодаль, близ земли.
Князь Шарукан сжигает всё дотла.
А значит, отвечать пришла пора.
И рати быстро двинулись на юг,
покрепче затянув ремни подпруг.
Подходят к речке Альте. Берег тот
покрыли половцы, не сосчитать.
Конечно же, явились побеждать.
И вот опять в шатре совет идёт.
И предлагает Изяслав уйти,
чтоб силы подсобрать и обрести.
А Святослав решает наступать.
Легко же Изяславу отступить:
не его земли так жестоко жгут
и не его людей в полон ведут.
А Всеволод спокойный прежде был,
сейчас же уди́л он закусил:

«Нет сил, чтобы их завтра победить.
Тогда давайте ночью станем бить.
Костры палите, обмануть врагов
сумеем, к переправе ход готов,
ведь пересохла вроде бы река...»
Сперва была победа так близка.
Чем глубже продвигаются вперёд,
тем более их оторопь берёт.
Конца и края не видать войскам.
И до восхода повернул князь сам.
Нет, не преследовали. Но взошёл рассвет,
увидели, что половцы вослед
идут. И тут рассыпались войска.
До Киева дорога неблизка.
И там смутьяны говорят: «Всеслав
смог победить бы. Только нету прав».
Монах Печерский громко говорил,
что половцами Бог их наводнил
за все грехи. А как искупят их,
так вспомнят все про Бога в тот же миг.
На вече созывает всех народ.
А там уже разброд вовсю идёт:
«Рабами все мы стали у господ.
Пора менять всё это. Слышь, народ?»
Епископ ими ведь растерзан был.
До старости Владимир не забыл.

Игрушкой черни Киев стал в те дни.
Попробуй-ка её угомони!
Двор княжеский котлом кипящим стал,
ведь слушаться там каждый перестал.
Вот так Владимир уж в пятнадцать лет
сумел понять – врага страшнее нет,
чем этот взбунтовавшийся народ,
готовый извести под корень род.
Советуют Всеслава умертвить.
Не смеет Изяслав его убить.
Всеслава тут освободил народ,
его он в княжеский дворец несёт...
А Изяслав и Всеволод тотчас,
забрав детей, из города все враз.

Глава 11. Конец киевской смуты

С дружиною к Ростову он идёт.
Но, лица в Киеве припомнив вдруг,
не задевает никого вокруг,
а только мирный разговор ведёт.
Он понял, что до крайности людей
не надо доводить. Порой злодей
проснётся в каждом, и не удержать.
Чтоб над своею жизнью не дрожать,
по землям вятичей с улыбкой он
проходит. На него со всех сторон
те возбуждённо смотрят, но молчат
и ссоры затевать с ним не хотят.
Старинною деревней проходя,
волхвов увидел. Смерти предают
сожжением. Эх, наказать бы тут,
душеспасение средь них ведя,
но неизвестно, кто ещё в лесах,
забыв и почитание, и страх,
путь пресечёт к Ростову здесь в ночи.
А потому Владимир и молчит.
И лишь в Ростове, на засов закрыв
ворота, страх в душе он усмирил.
И потекли в заботе и мольбе

дни, словно дело он искал себе.
Расширил пашню, собирает дань.
Судил людей. Подспудно, как ни глянь,
да вспомнит Киев и былой поход.
И сердце беспокойное замрёт.
Плоды от междукняжеской игры,
то битвы, то широкие пиры,
интриги Святослава... Видит Бог,
никак он позабыть это не мог.
И беспокойство – как теперь отец?
Приехал из Чернигова гонец
и рассказал, что в Польшу Изяслав,
взяв сыновей, поспешно поскакал.
Всеслав на Киеве вдруг князем стал.
А Всеволод туда, где Святослав,
в Чернигов. Снова половцы идут.
Они всегда приходят, хоть не ждут.
К Чернигову всё ближе Шарукан.
И вот выходит Святослав к войскам
и говорит: «Прогоним иль умрём».
И победили половцев тем днём.
Внимательно Владимир слушал речь.
И вспоминались и бывшая сечь,
восторг, когда бежит противник вон.
Забыл про боль и стоны боя он.
А про Всеслава люди говорят,

что Богом эти чудеса творят.
Из пóруба его освободил
и Киевом великим наградил.
Вдруг к маю вновь к Владимиру гонец.
Вернулся Изяслав наш наконец
вновь в Киев. Оказалось, войско он
с поляками привёл. Со всех сторон
готовятся все к битве. А Всеслав
бросает, в Полоцк снова он бежит,
предчувствие в душе его дрожит,
что предадут, лишат его всех прав.
И киевляне провели совет.
Гонцов они в Чернигов спешно шлют
и Святослава с Всеволодом тут
упрашивают – как избежать бед?
Как Изяслава снова убедить,
чтобы не стал он войско приводить?
Откроют, мол, ворота, повинясь,
пусть снова в Киеве сей правит князь.
И братья слово заступить дают.
И Всеволода киевляне чтут.
И с ними согласился Изяслав –
без войска он, смилив свой гордый нрав,
до Киева идёт. Мстислава он
послал вперёд. А тот уж свой закон
там учредил, казнил людей сперва,

недобрые он говорил слова.

А после уж пошёл он по дворам:

то, что украдено, вернуть пора.

И взвыли киевляне. На поклон

все к Изяславу. Милостив ведь он,

сел на свой стол, всех ляхов распустил

да на Всеслава войско снарядил.

А тот разбит, к корелям он ушёл.

Да, видно, там судьбу свою нашёл.

И снова начинается делёж.

Сын Изяслава нынче в Полоцк вхож.

Престол же новгородский кто займёт?

И Изяслав гонца в Ростов вдруг шлёт...

Глава 12. Смоленский князь

С гонцом пришла записка от отца,
но, правда, ей совсем не верится.
Он, самый младший братец среди всех,
Смоленск получит вовсе без помех.
Схватились Изяслав и Святослав,
не сговорились. Всеволод был прав,
что своего им сына предложил,
он тих был, никому не насолил.
А Новгород теперь получит Глеб.
Владимир торжествует больше всех.
Но ничего своим не говорит,
а собираться в путь скорей велит.
Перед отъездом обошёл Ростов.
Отсюда он в поход когда-то шёл.
Два года он в Ростове отсидел.
Немного совершил он добрых дел.
А имя на Руси уже звучит,
хоть он пока ещё не знаменит.
Он понял, что без войн, да и без битв
не каждый нынче будет знаменит.
Ни Ростислава, ни Всеслава нет.
Всех этих крикунов пропал и след.
Ростовский лес к смоленскому столу

несёт, и не во сне, а наяву...

И всё же мучит мысль: кому Ростов
и Суздаль дальше здесь передадут?

А ноги уж вперёд его несут.

Его смоленский ожидает стол.

Оброс хозяйством и богатством он.

И слуги, обступив со всех сторон,

походное добро его хранят

и в путь далёкий тропочку торят.

Под Киевом встречается отец,

передаёт все вести наконец.

На Новгород Всеслав опять напал,

да Глеб ему отпор достойный дал.

Мстислав внезапно в Полоцке погиб,

но Святополк сей город не отбил,

лишь третий Изяславич, Ярополк,

прогнал Всеслава, мчится со всех ног.

... Три брата в светлой горнице сидят,

с надеждой на Владимира глядят.

«Пора тебе сесть на смоленский стол, —

такие Изяслав слова нашёл. —

Хоть молод ты, но крепкий властелин.

Блюда его, суди и управляй...»

А Мономаху слышится: «Мол, знай,

из распрей выбран нынче ты один».

А потому, что Всеволод и брат

их Святослав на Изяслава рад
катить все бочки. Потому он вбил
меж ними кол, Смоленск препоручил
не детям Святослава, а ему,
спокойному меж ними, по уму
негромкому, невздорному. Но кол
до сердца Святослава всё ж дошёл...
Нет, беспокойно в Киеве. Народ
бурлит да всё о князе речь ведёт.
А вечером вдруг сообщил отец,
что холм ему подарен наконец,
что дом он возведёт и церковь там.
Так исподволь, путём, незримым нам,
внедряется в столицу он пока.
У планов его воля далека.
Наутро, даже не раскрыв воев,
в Смоленск Владимир выехать готов.
Семидесятый завершался год.
В лесах же возбуждение идёт,
волхвов все слушают, князьям грозят.
Как прежде, задевать-то их нельзя.
Уж к вечеру в Смоленск он прибывал.
Огромный храм Успения сиял.
«Жив буду – каменный отстрою храм».
А колокольный звон по вечерам
всем отбивал, что новый князь пришёл,

чтобы возглавил этот он престол.
Проблемы обступили поутру.
Не платят дани, бродят на юру.
Своих людей повсюду он послал,
судить их справедливо обязал...
Прав был отец, что дал Смоленск ему.
На берегу Днепра он, с высоты
всё слышно, что в стране – дела, мечты,
шли караваны. Правил по уму.
Всех мимо проходящих приглашал
и во дворце о жизни расспрошал.
Узнал, что у отца трое детей
от полоцкой жены растут своей...

Глава 13. Первые святые и «„Русская Правда“»

Вот наступает 71-й год.

Вновь в Киев Изяслав его зовёт.

Владимир думал: новый ли поход?

Не ведал то, что в Киеве всех ждёт.

Но по другой причине всех зовут:

провозглашения святыми ждут

Бориса с Глебом. В каждой из церквей

святые есть, что силою своей

помолятся, да и совет дадут,

и чудеса для церкви совершат.

И в православной церкви каждый рад,

чтобы святые появились тут.

Печерские монахи так их чтут,

о Глебе и Борисе речь ведут.

Противился им грек-митрополит.

Такие речи он им говорит:

мол, Николай Угодник есть у всех,

святителей припомнить нам не грех.

Но, чтобы статус церкви повышать,

пора и нам святых провозглашать.

А Феодосий прямо говорит,

что это с богачами примирит

простых людей, что недовольны всем.
Да мало ли здесь, на Руси, проблем!
У Ярославовичей – свой резон.
Ведь Изяслав, стол укрепляет он.
А Святослава у Печерских ждут.
Ревнитель православья тут как тут...
А Всеволод, используя их всех,
для первенца старается, утех
сомнительных бежит. Владимир – с ним,
отцом по жизни трепетно храним.
И всё же Всеволод успел сказать,
что «Правду Русскую» пора им утверждать.
А рано утром мощи понесли.
Митрополит Георгий, Бог велит,
ниц падает, провозглашая их
в высоком ранге избранных святых...
И вновь весь род собрался за столом.
Владимир уж ничем не удивлён,
завидуют и ненавидят все.
За киевский престол во всей красе
готовы драться до скончанья сил.
И каждый здесь о «Правде» говорил.
Тогда-то вот Владимир и узнал,
что каждый князь при этом замышлял.
За каждое из отступлений – штраф,
и, что ни делай, только князь и прав.

За всё ведь гривны следует платить.
Пора такой закон установить.
И всё бы ничего, но первых слов
довольно, чтобы завязался спор.
Князей перечисляют – Изяслав,
а после Всеволод, не Святослав.
Так Изяслав ведь Святославу мстил
за то, что вечно воду тот мутил.
И вправду, Всеволод со старшим был,
когда свои он ноги уносил
из Киева, с ним вместе воевал...
Хоть Святослав внутри и бушевал,
но виду не подал. Владимир сам
всё понял. Совершились чудеса.
Второго третий смело оттеснил
и сыну тем дорогу проторил...
А «Правду» утвердили, собирать
стал Изяслав да на Волынь всю рать.
Дружину он Владимира забрал,
но самому вернуться наказал
в Смоленск и пуще золота беречь.
Прощаясь, говорит Владимир речь
дружине: «От борьбы не уходить
и зря за Изяслава не губить
людей». И всем понятен сей наказ.
Меняли киевских князей не раз.

А князю без дружины – никуда,
какие ни промчались бы года.
И битвы разразились наконец.
Но вот примчался осенью гонец.
Велят Смоленск поспешно оставлять,
стол княжеский волынский принимать.
«Спокойный нужен там и смелый князь,
к которому не приставала грязь», –
сам пишет Изяслав. Ему в ответ
Владимир собирается чуть свет.
Владимир ведь его Волынский ждёт.
То третий стол, который он займёт.
Пока ему, как никому, везёт.
А год уж девятнадцатый идёт...

Глава 14. Волынский князь

Нов, труден был для князя этот путь,
опасен – и про то не позабудь.
Дружинников-то нет и тридцати,
что с ним в путь собираются идти.
Да ведь и сборы надо отличать.
Сюда собрался споро, как на рать.
В Ростове и Смоленске жить хотел
и долго княжить. Дал Господь предел.
А половцы ведь весь их путь блюдут
и довели до Берестья. А тут
отстали. Нет домов. Черным-черно.
А люди все попрятались давно.
Немного дней – и вот уж стольный град.
Владимир этому был очень рад.
В хороммах, где бывал и Ростислав,
наш юный князь спокойно проживал.
Да, никому здесь не хотелось жить.
Сплошные войны. Чем тут дорожить?
Зато пришла его дружина враз
и завела про Берестье рассказ.
Велел сей край утишить Изяслав.
А это значит, коль Владимир прав,
дружину надо срочно расширять

и силами поспешно укреплять.
По городам Владимир едет сам,
рассказами прельщает: «Дам я вам
всё, что хотите. Ведь не век здесь быть,
высокие дела начнём вершить»...

А осенью, уж 72-й год,
вдруг Перемышль внезапно он берёт.
Заставы ставит, укрепляет власть.
Заботы у него в то время всласть...

А в это время в Киеве опять
вскипела смута, надо понимать.
Боялся своих братьев Изяслав.
А оттого, конечно, был неправ,
но ко Всеславу он гонцов послал...

А Святослав того и ожидал.
Но медлит Всеволод. Он не борец.
Но у Всеслава уж почти гонец.
А вдруг договорятся поделить
и их от всякой власти отстранить?
Смоленск с Ростовом могут отобрать.
И поздно собирать уж будет рать...
И Святослав коварен. Может он,
презрев родства и крови сам закон,
с Переяславля Всеволода гнать.
Своих сынов пора на стол сажать...
А выйдет всё, так станет он вторым.

И Всеволод соединился с ним.
Идут на Киев. Запер Изяслав
ворота. А мятеж, всегда он прав,
и Изяслав сдаётся. Как ушёл,
так сразу занял Святослав престол.
Владимиру приказ – в Берестье быть,
чтоб Изяслава вон препроводить...
Подъехали в один почти что час.
Владимир с уважением припас
слова для Изяслава. Тот корить
стал своих братьев, горько говорить...
Без жалости тот слушал. Видит Бог,
уж если ты свой разум не сберёг,
уж если власть нет силы удержать,
так лучше по-хорошему отдать.
За помощью враз в Польшу едет он.
Но новости летят со всех сторон,
что Болеслав даёт ему отказ.
Княгине лишь с детьми приют он даст.
В Германию он к Генриху пошёл.
Дарами в нём союзника нашёл.
Но Святослав об этом вдруг узнал.
Ещё богаче он дары послал.
У Генриха и так полно проблем,
чтоб мог он покровительствовать тем,
кто Святославу гордому вредит.

Выносит Изяславу он вердикт.
А папа Римский Генриху ведь враг.
«Ну что ж, – решает Изяслав, – пусть так,
туда поеду, так тому и быть.
Ведь надо покровителя добыть».
Владимира на Пасху ведь зовёт
отец в Переяславль. И тот идёт.
Ему исполнилось уж двадцать лет.
Пора ему с отцом держать совет,
чтоб выяснить, какие там дела.
Судьба благоволила, как могла.
А ныне ожидает что его?
Не ведает про это ничего...

Глава 15. У отца в Переяславле

Кончается сорокадневный пост.
В Переяславль мчится он, домой,
семь лет он не бывал там. Боже мой,
как дивно небо при сиянье звёзд!
Он свято соблюдает пост. Даёт
физические силы он, и дух
крепчает. Вот и свет луны потух.
К отцу своему в терем он идёт.
Хоромы жизнью там всегда полны.
Ведь Всеволод любил, чтоб каждым днём
и без него всё было, как при нём.
Ослушиваться слуги не вольны.
Ночь отстояв заутреню, они
сидят в покоях. Так и льётся речь.
Как ни старался Всеволод беречь
сынка, но уж не отрок перед ним –
мужчина. Голубы его глаза.
Со светлой шелковистой бородой.
Да, постарел отец его родной,
но говорить об этом ведь нельзя.
Не так, как раньше, слушает и сын.
Обдумывает, взвешивает он
слова. А прежде слушал, покорён,

не рассуждая. Он такой один.
Привык сыздетства, наблюдая всех,
уметь в проблемы вникнуть и понять,
как говорить и с кем, как размышлять,
чуждаясь детских игр и утех...
Конечно, речь о Киеве зашла.
Корона Святослава всё ж нашла.
И всё. Ничто он больше не хотел,
хоть прежде был хитёр и очень смел.
«Ты, сын, прошу тебя, не забывай.
Когда взойдёшь, так душу сохраняя,
людскими интересами живи,
интригами души своей не рви...»
А вот Владимир сразу уловил
всё то, про что отец с ним говорил.
Чем больше в жизни ты добился злом,
тем меньше верят люди, что кругом.
Стал князем киевским. И новый враг,
наш Феодосий, что ответил так:
«На пир я Вельзевулов не пойду,
а Каинам навеки быть в аду...»
Он в церкви Изяслава поминал,
его великим князем величал...
«Отец, мне важно мнение твоё...
Вот взял он власть. А заслужил её?» —
«Не изверг, не злодей я, но ума

и разума есть выше мысль сама –
дал в руки Бог престол, так будь, как князь.
Решай всё справедливо, помолясь...
Слаб Изяслав был. Святослав взамен.
И я пошёл за ветром перемен.
И Феодосий меня не клянёт.
Даст мне Чернигов брат – черёд придёт,
обгонишь прочих в очереди ты
и встанешь вровень. Исполняй мечты,
но не форсируй. Времечко придёт,
поверь, и благо в руки упадёт...
Ты войн междуусобных не плоди,
а думай, что же будет впереди...»
Владимир понимал: завет отца
нарушил Всеволод. С его лица
сошёл румянец, ведь он обещал
не нарушать черёд и выполнял
до сей поры. Коварен Святослав,
и брата ненадолго он подмял.
Христовых заповедей мощна власть.
В погоне же за властью не пропасть
непросто. За столы всегда борьба
была сильнее, пожалуй, чем судьба,
а грешен человек... Что ж, так сказать,
легко в борьбе и душу потерять.
Лавировать порой – тяжёлый труд.

И мысли всё Владимира гнетут:
сумеет ли он страсти одолеть,
чтоб всё, что им задумано, посметь?
Не хочет он раскаянья печать
на старости от жизни испытать...
Вернулся на Волынь, чтоб охранять
от ляхов Русь и договор создать.
А подписали договор, отец
Чернигов получает наконец,
но отобрал князь Переяславль, Ростов
и Суздаль сразу для своих сынов.
Тем самым наш Владимир оттеснён,
и этим он ужасно удручён...

Глава 16. Женитьба Мономаха

Сидел в Волыни он и размышлял –
как на качелях, нынче он летал.
То вверх несут, а то бросают вниз,
лихой судьбы обманчивый каприз...
А вознесут ли дальше, знает Бог.
Лишь одного постигнуть он не мог:
три княжества уже ведь за спиной,
расплата не проходит стороной...
Зима. Сидит уже второй здесь год,
но вот и от отца гонец идёт.
В Переяславль зовёт. Уедет Глеб,
что княжит в доме для своих потреб.
Из Дании Елизавета шлёт –
сестра, что Всеволода, – наперёд
желая мнение Мономаха знать,
а не пора семью ли создавать?
Дочь Гарольда английского, что пал,
прекрасной Гиты руку он бы взял
иль нет? Отец советует: «Решай,
да в выборе жены не оплошай.
Конечно, бесприданница она,
но всё ж дочь короля, а не княжна.
Родство такое может и помочь».

И благосклонно одобряет дочь
Владимир. Много месяцев пройдёт –
и в Новгород тогда письмо придёт;
туда приедет Гита, а потом
в Переяславль венчаться. Всё же дом...

По-русски не владела, но понять
ума хватило, ведь Олег и Глеб,
что Святослава были сыновья,
к Владимиру придиричивее всех...

С тревогою встречали. А она –
девчонка, только силою полна
недетскою. Ей много испытать
пришлось, и не решалась уезжать,
пока была надежда там на трон.

К тому ж родством и с Византией он,
и королевой шведской знаменит.

Она ему поможет. Он взлетит,
такое положение займёт,
о коем здесь и речи не идёт...

Да, попораны права. Восстановить
она их хочет, королевой быть...

С почтением она поклоны бьёт,
князя тогда признали враз её.

Кокетничали с нею. Им не знать
всего, что приходилось испытать –
несчастья, смерть и близких, и родных.

А коль пришлось искать в краях иных
ей долю, так её характер смел,
хорош для развлечений и для дел...
Близ Переяславля её встретил он,
умом во взгляде сразу покорён.
И с первых дней Владимир открывал
в ней то, чего в других он не видал.
Да, вышивает. Греческий, латынь
постигла и жила среди святынь.
Трактатов философских большинство
читала, просвещала и его.
Стрельба из лука, на коне верхом.
Всё чаще он исподтишка, тайком
приглядывался к той, с кем столько лет
им провести придётся. Спору нет...
Всю зиму там готовили поход
на чехов. Просто Болеслав зовёт.
Пора его и отблагодарить,
что Изяслава смог он укротить...
Прославиться победою хотел
наш Святослав среди немногих дел.
Но сам не воевал. В поход он шлёт
Владимира – известен был уж тот,
и сын Олег. Возглавят пусть войска.
Олег разбросан, он наверняка
не сможет сам. Владимир – тот иной,

он увлечён победою, страной.
Богатства не важны. Он знает долг,
поэтому он лучшей из подмог
и станет, чтоб Олега усмирить;
вдвоём они должны и победить.
Вот настаёт семьдесят шестой год.
Владимир собирается в поход.
Владимир возмужал, он умудрён,
не так, как все, на битву смотрит он.
В Чернигов перевозит Гиту он
беременную. Уж таков закон.
Присмотрят там за нею, да и в срок
она подарит сына – даст-то Бог...

Глава 17. Смерть Святослава

Поход был от Волыни. Вместе шли.
Войска свои суровые вели.
А с Болеславом встретившись потом,
все вместе, рука об руку, идём.
А вот уж вскоре там и Чешский лес.
Поосторожней надо было здесь.
В лесу не развернуться, стало быть,
их после леса можно подловить.
Притихли воины. Прежде суета,
теперь же обступила маета.
Но каждый вечер наш Владимир сам
несётся по полям и по лесам.
С одним пошутит, подбодрит других.
Глядишь, и страх у воинов притих.
Спокоен князь, и сами они враз
уж не боятся. Вот и день погас.
Всем спать. Олег с Владимиром не спят,
Посты они проверяют все подряд.
И на ночлег. А рано поутру
князь на ногах уж. Знамя на ветру.
Лес расступился. Вратислава рать.
Пора на них и войско направлять.
Сошлись. Уж прогибают пеший строй.

Олег спешит, пора вести всех в бой.
Владимир не спеша стоит. Ему
всё видно сверху чётко самому.
Тут он Олегу: «Левое крыло
веди. За мною правое пошло...»
И вот разбито войско. Наш Олег
стремится город взять быстрее всех.
Владимир осторожен – вдруг там рать?
А поутру уж ляхов не видать.
И оказалось, что до битвы мир
вдруг чехи заключают. Славный пир –
им тыщу гривен выплатить сулят,
но нашим ничего не говорят.
Вот к крепости подходят. Надо брать,
разграбить, а потом её сжигать.
Но жители впустили, платят дань,
не жечь лишь просят. Нет, ты только глянь,
гонцов и в Краков к Болеславу шлют,
вернуться им спокойно не дают.
Мы говорим, что будем воевать,
чтоб чести никому не отдавать.
Вот город Глац все приступом берут.
Нет, Вратислав не помешал им тут.
И властелин Богемии пришёл,
с Владимиром переговоры вёл.
Тот выслушал епископа, сказал,

что откуп Болеславу ведь он дал,
хотя они не брали города.
«Ну что же вам могу сказать тогда?
Такой же выкуп, воинам дары
и тем, кто пал на поле до поры,
такой же откуп и еда для всех
на весь обратный путь. И без помех».
Что делать? Согласились с этим тут,
и вот домой уж воинство ведут.
Пред Киевом почистились – и в путь.
Четыре месяца, не как-нибудь.
Сдружился он с Олегом. Лёгок тот,
не ныл, но Мономах ведь не даёт
такой же лёгкости. Ответствен он
пред Русью. Тех памятных времён
закон был – передела ждать столов.
Да сын родился. К таинству готов
крещения, да имя не дано.
Они с Олегом едут заодно
в Чернигов. Гита встретит на крыльце,
на шею бросясь прямо при отце.
Он понял: не хватало ей его,
и сладко на душе у самого.
Мстиславом и Гарольдом наречён
сей первенец. А Святослав – так он
благодарить-то князя не спешит,

«Изборник» новый смело он вершит.
А в Туров уж потом наказ дают
поехать. Ближе к Киеву ведь тут.
Но в Туров ненадолго. Князь зовёт.
Задумал на Балканы он поход.
Не время. Глеба в помощь он даёт,
а следом и известие идёт,
что умер Святослав. Вновь все пришли.
Делёжка наступает для земли.
И Всеволода прочат. Может, прав.
Но ведь гуляет где-то Изяслав.
Нет, не решится он престол занять.
Знать, Изяслава следует искать...

Глава 18. Великий князь Изяслав

И всё же в Киев Всеволод идёт.
Переяславль он снова отберёт.
А Глебу выпал в Новгород ведь путь.
«Про Туров ты, сынок мой, позабудь.
Садись в Чернигов, а, как бывший князь,
держи Смоленск неспешно, помолясь...»
23 года – и Чернигов. Но
ведь Изяслав живой, и всё равно
всё ненадолго. Но Роман бежит
с Чернигова в Тьмутаракань. Лежит
перед ними юг, но с севера беда
пришла в те стародавние года.
Всеслав опять на Новгород пошёл.
На помощь Мономах тогда пришёл.
Всеслава отправляются искать.
Куда там – не так просто и поймать.
Поход на Полоцк нужен. Минул год,
и Всеволод – с ним Мономах идёт –
собрался в путь. И тут приходит весть,
что Изяслав у Киева, чтоб здесь
свои права бесспорно предъявить
и с братом о судьбе поговорить.
В Волыни он обжился в эти дни.

И близ Горыни встретились они.
С коней сошли. Обнялся Изяслав.
А Всеволод, не отнимая прав,
стола делить с ним начал в тот же час.
Чернигов снова Всеволоду даст,
Олега же в Чернигов – под надзор,
а Святополку – Туров. Много зол
в такой делёжке. Лихорадит всех,
а Мономаха в Смоленске без помех.
Вольно им земли надвое делить,
а Изяславу в Киеве царить.
Июль идёт, 77-й год.

И Киев князя нового там ждёт.
Глеб в Новгороде всех давно мучил,
и Изяслав сместить его решил.
Сын Святополк отправлен им туда.
Казалось, словно было так всегда.
На Полоцк все по зимнему пути
войска собирают, чтоб туда идти.
Со Святополком им идти на бой.
И половцев им Всеволод с собой
послал. Они жестоки, видит Бог.
Не раз Владимир посреди дорог
припомнит это. «Им Господь судья, –
он часто говорил себе, – не я...»
А на подходе к Полоцку они

громили русов просто во все дни.
Не выдержал Владимир, их прогнал.
Вернулись, ведь не всё ещё собрал
хан половецкий среди той войны.
А Мономах, как прежде, видит сны,
где Русь едина и где розни нет...
Мечте заветной уже много лет.
И Полоцк взят, разграблен и сожжён.
Всеслав пропал, словно и не был он.
Всеслав был сломлен. Но какой ценой
Владимиру даётся каждый бой!
Где это синеглазое дитя?
Его и не припомнишь. Не шутя,
спокойный князь несёт нелёгкий груз.
И, я даже сказать не побоюсь,
могучей хочет видеть Русь свою,
а он почти всю жизнь ведёт в бою.
Конец тому настанет ли, Бог весть.
Как много тех, что уж погибли здесь!
К отцу, в Чернигов, к сыну и жене,
он триста гривен серебра вполне
везёт отцу с победою сейчас.
Как переменчива судьба у нас!
То со щитом мы, а то на щите,
то мы в богатстве, то мы в нищете...
Как удержаться, ведает лишь Бог.

Молись, чтоб подсказать тебе Он смог!
Там жил Олег, товарищ ратный; он
был недоволен долей испокон,
Владимира ценил и уважал,
отцом был крёстным сыну. Но дрожал
в душе сопротивленья дух. Сказал,
чтобы его Владимир поминал
всегда добром. Едва настала рань,
к Борису он бежит в Тьмутаракань...
И собирается в дорогу князь.
Нарушен мир. Он едет, помолясь,
ребёнка и жену с собой везёт.
Он знает: скоро вновь к ним враг придёт...

Глава 19. Смерть Изяслава

Все затаились в городах своих.
На мир надежды голос вовсе стих.
Уехал ведь Олег не для того,
чтобы забыли сразу про него.
Чернигов, что отцовский был, вернуть
он хочет. Не напрасно ныла грудь
Владимира, предчувствуя беду:
«Ну как я с другом воевать пойду?
Олег с Борисом вдруг на Русь идёт,
с собой проклятых половцев ведёт».
Но Всеволод не стал подмоги ждать.
Навстречу вышел. Полегла вся рать.
Борис с Олегом – землю разорять,
Чернигов в свои руки возвращать.
До Киева наш Всеволод идёт.
Олег тогда в Чернигов и войдёт.
Вот гробу он поклонится отца,
с боярами спешит он мириться.
Клянётся честно править. А Борис
и половцы всех грабили. Смирись.
Они к Чернигову: «Князь, помоги...»
Нет, не поможет. Тяжелы шаги...
Владимир понял: битв не избежать.

И в этих битвах надо побеждать.
Такая жизнь – бороться за столы.
Наверно, понимаете и вы,
что не уступит никому никто.
Хотя все и родные, но зато
терять не станут то, что им дано,
ведь с древности так и заведено.
К Переяславлю Мономах идёт,
а ведь никто его там и не ждёт.
Бессмысленно путь преграждать ему,
ведь он всегда воюет по уму.
Со Всеволодом Изяслав идёт,
и Ярополк дружину к ним ведёт.
Борис с Олегом помощь враз искать
помчались, чтобы им не уступать
Чернигов. Тот в осаде много дней.
Ворвались в город. Что всего страшней –
спалить его решили. Так не взять...
А тут уж и врагов пора встречать,
не дать объединиться. Вот Олег,
что на беду такую всех обрек.
Да, смотрят друг на друга. В этот час
Олег просил Бориса в этот раз
в бой не вступать. Но завязался бой,
и пал Борис, сражённый вдруг судьбой.
Ещё неясно, чья победа тут.

Владимир видел: конницу сметут,
заминка вышла – знать, была беда.
Какая – позже он узнал тогда.
И вот Олегова прогнулась рать,
готова всё сражение проиграть.
Бегут. Их не преследовали, нет.
И вот тогда явилось всё на свет.
В бою удар смертельный нанесён,
и Изяслав, уже не с ними он.
Погиб. Убитых и не сосчитать.
Сам Изяслав, Борис, почти вся рать...
Черниговцы слышали про бой,
и дверь сама открылася собой.
Владимир с Ярополком, чтоб прогнать
прочь половцев. Да не смогли догнать.
Идёт 1078-й год,
И Всеволод стол киевский займёт.
И снова делят и столы, и власть.
Такая вот у княжества напасть.
Чернигов сыну, Суздаль и Ростов,
да и смоленский оставляет стол.
А Ярополк уедет на Волынь,
брат Святополк всё в Новгороде. Синь
небес осенних многих примирит.
Он Ярополку Туров уж дарит.
Роман – в Тьмутаракани, а Олег

пусть Муром занимает среди рек.
Владимир власти силу сознаёт,
но горько на душе, он не поёт.
Вторым он стал, враз обойдя иных.
А значит, средь врагов его лихих
и Изяслава дети, те, кому
был Святослав отец... а по уму –
и Ростиславовичи, и Давыд...
Всё это грузом на душе лежит...
Страшит да и пугает его власть,
ещё в боях натешится он всласть.
До Киева ведёт далёкий путь...
Ты детские мечты не позабуди...

Глава 20. Всеслав и Любеч

А Всеволод из мудрого в тот час
в коварного властителя на раз
вдруг обернулся, словно между дел
не понимал, к чему ведёт раздел.
Роман тьмутараканский вдруг идёт,
и половцев с собою он ведёт
на Киев, на Чернигов, Переяславль...
Надежды свои тщетные оставь...
Из окруженья Анны, что жена
у Всеволода, сразу в стремя
те половцы и мчатся, чтоб скорей
договориться с теми, кто смелей.
А Всеволод у Переяславля встал.
Гонец же прямо к половцам попал:
«Всё даст вам князь. Романа прочь гони,
не то войной прервутся ваши дни...»
И половцы согласие дают.
Роман на Всеволода тут как тут,
да только помогать никто не стал.
Роман враз в половецкий стан влетал.
Разгневанный, он к хану: «Как же так?»
Тот отвечает: «Мне сей князь не враг.
Решил я замириться с ним и жить».

Роман кричит, ничем не дорожит...
Один взгляд хана, сабли взмах – и вот
убит Роман, а хан вослед ревёт:
«Все кости разбросайте по степи...»
Вот до чего был хан тот нетерпим!
Тьмутаракань – у Всеволода. Что ж...
Глядишь, и все столы так соберёшь...
Владимир – во Чернигове. Беда!
Сгорело при пожаре всё тогда.
С чего начать? И каменный им храм,
храм Спаса, нынче восстановлен там.
Едва закончили, Всеслав идёт,
и половцев он на Смоленск ведёт.
К Смоленску подошёл, а тот горит.
Теперь уж он Всеславу отомстит.
Пошёл по землям, всё горит огнём.
Всеслава не боялся он ни днём,
ни ночью. Понял его волчий нрав –
на беззащитного всей стаей. Прав.
От сильного он убегает вмиг.
И это уж Владимир наш постиг.
С душой ожесточённой он идёт
и мстит врагу, хоть убегает тот.
Ударом отвечать всем на удар
мгновенно научился он тогда.
Горят селенья, множится добро.

И вправду, жизнь устроена хитро.
Смоленск сожгли, Чернигов сжёг он сам,
к Чернигову вернулся по лесам.
Шёл города отстраивать черёд.
Роптал вконец измученный народ.
Но надо было всё восстановить,
ведь, право, многим негде было жить.
Задумал неприступный замок он
отстроить. Поглядел со всех сторон
и Любеч приглядел с его горой.
Для обороны строил замок свой.
Вдоль его стен – котлы, что для смолы.
Крутые стены, а ходы смелы.
Там много врыто ёмкостей с зерном.
Он больше года провести мог в нём.
Смоленск, Чернигов, Суздаль – всё в лесах.
Строительство. И смолкли голоса.
Отстраивают все свои дома.
Когда стояла прошлая зима,
к отцу он по дороге ночевать
не оставался. Людям проживать
в землянках приходилось. А теперь
стоят дома. И, ты уж мне поверь,
стихает ропот. Возрождают жизнь.
От половцев народ уж не дрожит.
Построив дом и землю засадив,

детей растят с надеждою в груди.
Как быстро забывается в миру
война былая! Колос на ветру,
ребёнок в люльке, добрая жена.
И снова возрождается страна!
А ведь казалось, сожжено дотла.
Но Фениксом восстать земля смогла.
Хозяйский глаз повсюду: без него
не возродить, пожалуй, ничего.
Чернигов поднимает во весь рост.
Смоленск растёт. На материалы – спрос.
Хватает мастеров. И дорог всем
сей князь, что избавляет от проблем...

Глава 21. Каким был Мономах

И наконец-то миг такой настал:
рачительным хозяином он стал.
А впрочем, он всегда таким и был,
как сызмальства отец его учил.
Вставал он рано, для молитвы – час.
Потом дела вновь поджидают нас.
Амбары, все постройки обойдёт,
работу для себя всегда найдёт.
Что на полях? Как люди? Есть ли спор?
Несётся по делам во весь опор.
Верхом поедет в ближнее село
проверить: а зерно ль не полегло.
А летом по селениям скакал.
Дома там были. В них и отдыхал.
И в клетки, и в амбары сам был вхож.
Рачительнее князя не найдёшь.
Не передоверял своих забот
ни дома, ни на поле боя тот.
Всё сам. С себя и спрос совсем иной.
Неважно, это холод или зной...
Проверит, стража как дозор несёт.
От глаз его никто вас не спасёт.
Потом уж книги, порученья всем.

Сон пред обедом лечит от проблем.

Остаток дня – с женою и детьми.

Пять лет уже Мстиславу, и они
его уж посадили на коня.

«Ещё один сынок есть у меня.

Его в честь Изяслава я назвал...»

Без Гиты он ни дня не пребывал.

Она, хоть не улыбчива, была
и предана ему, и с ним мила.

Коль не война, с собой её возил.

Не замечал как будто, но хранил
в душе всё то, что говорит она,
любимая и добрая жена.

Вниманья на слова не обращал,
но всё, что говорит, запоминал.

А на войне, когда она не с ним,
то облик, хоть неясен и незрим,
грел душу. Не хватало. Как тут быть?

Конечно же, скорее победить...

Она ему рождает сыновей.

Нет для него желанней и милей.

Вслед Святослав, за ним идёт Роман,
и Ярополк, и Вячеслав – все там.

Андрей – последыш. Двое дочерей,
когда уже за сорок было ей.

Пока же подрастает сын Мстислав.

Его с собой он на охоту брал –
на тура и на вепря, да медведь
и лось. Ему хотелось всё успеть.
«Не бойся на охоте, – говорил,
там жизни тренировку проводил. –
Не бойся вепря, на войне тогда
не струсишь ты, поверь мне, никогда».
Такая сила Господом дана.
Коней в степи вязал за стремяна.
А тур однажды рогом пропорол.
Бодали лоси. Много разных зол.
На бёдра ему вскакивал медведь.
Но Бог берёг. Руси он нужен ведь.
С коней он падал, ноги повреждал.
Он смолоду себя не сберегал.
До Киева с заутрени скакал
и сам туда к вечерне прибывал.
Бесстрашен был он и непобедим.
А что с ним станет дальше, поглядим.
Вот жизнь! Едва кто приходил на Русь,
как Мономах, вставая в стремянах,
откуда силы – только уж не трусь –
несётся на врагов. Ты только в снах
представь себе такое. Не дай Бог!
Как всё это выдерживать он мог?
Любил отца, сестёр своих любил.

Брат Ростислав ему подмогой был.
Хоть сводный брат, но был родных родней.
Учил его на протяженьи дней.
Отцовскою любовью полюбил,
охотился с ним часто, говорил,
как надо князю мудро управлять,
рассказывал про всё, что надо знать,
и вспыльчивость, и молодость прощал
и часто, коль свободен, навещал...
Да, всё это, покуда нет войны.
Но в годы те дремучей старины
война всем верховодит да и власть.
А надобно и в битве не пропасть...

Глава 22. Походы в 80-х годах...

В невиданное времечко, зимой,
на Стародуб войска направив, в бой
вдруг половцы пошли. Владимир-князь
собрал дружину, Богу помолясь.

Хоть и не отдохнули от боёв,
но жаль терять всем, всё-таки своё.

И скачут снова половцев гонцы,
прощаются с детишками отцы.

Теперь уж князь научен – рать собрал
и быстро в бой на половцев погнал.

Они быстры, они хитры... как знать,
промедлишь – и победы не видать.

И мчится он к Десне наперехват.

Сам чёрт его дружине был не рад.

Врагов они на ломкий лёд теснят
и всё это победой завершат.

Два хана взяты в плен, но третий есть.

Так не ленись, гони что силы здесь.

И третий хан бежит, бросая всё.

Так Мономах пленённых им спасёт.

Велел их по селеньям развезти.

Те молятся: «Господь тебя прости!»

«Всех выкуплю, все дороги для нас», –

таков был молодого князя сказ.
О нём стихов слагаются слова
и песни уж поют. Судьба права:
тот, кто стоит так честно за народ,
тот в вечности и имя обретёт...
Своим же половцам всё заплатил,
за помощь свято отблагодарил.
Прошло полгода. Снова встала брань.
В Переяславле – Ростислав. Ты глянь,
не хочет торкам деньги он давать,
как все давали... Значит, воевать...
Как за границ охрану не платить?
Сын Всеволода, Ростислав, мутить
всех начал. Значит, воевать.
И Всеволод велел поход собрать.
Дружина вскачь к Переяславлю шла.
Неспешно князь наш думал про дела.
Спешить не надо, понял он давно.
Обдумай, чтоб всё было решено.
Перед дружиной выходил он в бой,
а за него они всегда горой.
Вот торки выезжают. Через них
прошла дружина, после остальных
проехала, вонзаясь, словно нож.
Обратно мчится – что с неё возмёшь?
От натиска смутились торки враз.

Пощады просят многие сейчас.
Владимир безоружных отпустил,
а остальных связал и не простил.
И снова отдых. И потом поход.
Теперь уж он на вятичей идёт.
Ходота с сыном поднял сей мятеж.
Такое ведь бывало и допрежь.
Он грабил сильных, за него народ
стоит и никогда не выдаёт.
Сидел в Ростове Мономах тогда.
Такие там стояли холода,
без остановок топят люди печь,
чтобы тепло в домишках уберечь.
Зимою не сумел его поймать.
Да, всё это не то, что воевать.
А летом его вовсе не поймать.
Зима тут наступает вдругорядь.
Заслал гонцов, узнал, к кому он вхож.
Не воинством, так хитростью возьмёшь.
И на зимовке он его настиг.
Но лишь когда переловили их
приспешников, тогда и бунт утих.
Но на Руси покоя нет. Одних
поборют, а другие уж встают
и воевать за стол родной идут.
Давыд и Володарь, их Ярополк

пригрел. Но нет, неблагодарен волк,
не ценит и берёт Тьмутаракань.
Год прoderжались. Вдруг – откуда, глянь –
Олег вернулся. Братьев задержал,
потом их прямо в Киев отпуская.
Чернигов ведь отцовский не даёт
покой Олегу. Братьев же гнетёт
мысль о Тьмутаракани дорогой,
им близкой. Нет, не обрести покой
Руси многострадальной. Кто смелы,
те борются за княжески столы.
Владимир разнимать всех обречён
и воевать с врагами всех племён...

Глава 23. Смерть Ярополка

Со временем с дружиною иной
привычно Мономаху прямо в бой
вступать. Такой дружины не найти,
какую в бой и не пришлось вести.
Любого знал тогда в дружинах он,
и им спокойно с ним со всех сторон.
К тому же каждый ведь из воинов знал,
что ни один он бой не проиграл,
а ведь ему уже за тридцать лет –
такого больше на Руси и нет.
Вот Ярополк ворвался в Киев вдруг,
Давыд, Василька выгнали. Из рук
забрали княжество. И лучший меч
Руси, Владимир вновь идёт на сечь.
Лишь на Волыни появился он,
как враз бегут враги со всех сторон.
Вновь половцев помчался прогонять.
В Чернигове лишь месяц отдыхать
пришлось. И снова о Всеславе речь:
«Ну сколько можно выходить навстречь?»
Теперь Владимир нанести удар
торопится вперёд. А Минск устал:
опять его сжигают и громят,

Всеслав с дружиной в Полоцке сидят.
Владимир вспомнил первый свой поход
на Минск. Теперь поход уже не тот.
Как прежде сильно он переживал,
когда хоть тот же самый Минск сжигал!
Теперь привык. Ведь смысл в том войны,
чтоб сгинули противника сыны,
чтоб гнёзда уничтожить, где живут.
А сожалеть потом – напрасный труд.
Опять Давыд решился на разбой,
вновь в Киеве с повинной головой.
Дорогобуж уж Всеволод даёт.
В поход на Киев Ярополк идёт,
что вотчину родную отдают –
непросто разобраться всем нам тут.
Владимир налегке летит туда.
Давыд же сообщает без труда,
что в Луцке тот, с женою и детьми:
«Сейчас его ты тёпленьким возьми».
Оставив в Луцке и жену, и мать,
вмиг Ярополк стремится убежать.
А Луцк уже и воротá открыл,
все тайны Ярополка раздарил
Давыд. Владимир смотрит на него:
«Святого-то в нём нету ничего.
Он всех предаст – и князя, и его».

Не утаит при этом ничего.
Благодарит. Захватывает мать,
жену у Ярополка, хочет взять
имение и всё вообще, что есть.
«Вернись же в Киев, поклонися здесь
и не бунтуй». Но договора нет.
Воынь Давыду отдают... Сюжет
такой для Ярополка – острый нож.
Промчался месяц целый. Ну и что ж?
Опять переговоры он ведёт,
смирился. Дорогобуж он отдаёт.
Вы думаете, больше нету войн?
Опять стоит над Переяславлем стон.
Вновь половцы. К Прилукам подошли
и множество там половцев нашли.
И вот, не дожидаясь, снова в бой,
извечный спор с надеждой и судьбой,
в бою том девятьсот покой нашли,
двух ханов, что пленили, привели.
...Всё лето он на юге воевал,
родное порубежье охранял.
Приехал на Воынь он на постой.
Давыд так зол, что Ярополк живой,
что снова на Воыни он. И вот,
едва Владимир съехал, слух идёт,
что Ярополк слугой своим убит.

Не ведают, а кто за сим стоит...
Погиб второй уж Изяслава сын.
Народ в печали был неумолим.
Позавчерашний брат, вчерашний друг,
лежит он бездыханный, а вокруг
та церковь, что он и построил сам.
Уж лучше б не скитался по лесам,
а ждал своего часа. Видит Бог,
что он великим князем стать бы смог...
Безвременная смерть тем и страшна,
что каждому из нас грозит она.
Забыты неприятности и бой.
Всего страшнее – бой с самим собой...

Глава 24. Смутное время

Идёт уж 89-й год.

Наш Всеволод дряхлеет и живёт
лишь в Киеве. Не до охоты уж,
и одолели хворости к тому ж.

Одно лишь в нём желанье – оградить
детей и внуков, чтобы обделить
никто не смог их, когда он уйдёт
и вечный вдруг покой сам обретёт.

Шлёт Святополку в Новгород наказ,
чтоб срочно ехал в Туров он сейчас.
Мстислав был сын Владимира. Пора
пришла уйти с родимого двора.

На княжение в Новгород идёт.

Совсем ещё дитя Мстислав наш тот.
Владимир вспомнил, как отец и мать
его давно спешили отправлять.

Но всё же он постарше был тогда.

Дрожат Мстислава губы? Не беда.

Освоится и станет князем он.

Игры столов нам не пресечь – закон.

А с юга вновь вестей тревожных рой
несут Давыд и Святополк порой,
что дети Ростислава подросли,

чтобы отвоевать клочок земли...
Вступили в сговор с ляхами на раз
и ну скорее грабить всех тотчас.
И Всеволод велел войска собрать
и к Ростиславу, сыну, весть послать,
к Олегу, что в Тьмутаракани жил,
к Владимиру, что праведно служил.
Решил идти сам Всеволод в поход.
К Волыни он неспешно подойдёт.
Послал гонца, чтоб повинились им,
отдали, что награблено, другим.
Да, недовольны были, но Давыд
все принял извиненья, говорит —
прощает. В Киев вновь великий князь,
а остальные, отряхнувши грязь,
на ляхов собираются в поход,
по пограничью нынче путь идёт.
Король забеспокоился. Гонцов,
что шлёт Владимир, принимает вновь.
Наказ, чтоб в свару русскую не лезть,
чтобы они не смели больше здесь
надежды Ростиславичам дарить,
тогда-то Русь и будет мир хранить.
Король согласен, хочет мира он.
Войны не будет. Ляхи испокон
дружили с нами. Можно по домам.

Разъехались все враз по теремам.
Владимир же к отцу. Слабеет тот.
И, в сущности, Владимир всё ведёт.
А Евпраксию, Всеволода дочь,
давно уже сосватать всем невмочь.
Красавица. Сосватана. Маркграф
немецкий. Вроде неплохой был нрав,
да умер. Император Генрих сам
засматривался, и известно нам,
что член он секты был, николаит,
развратом неуместным знаменит...
И в эти дни они женаты уж,
а Генрих, что законный стал ей муж,
её императрицей возгласил...
Вдруг князь великий для себя решил,
что мощи Феодосия пора
открыть. Но неудача у двора.
Ведь угасает Всеволод, князя
и не приехали, хоть и нельзя.
Все снова в своих княжествах сидят,
на Всеволода с алчностью глядят,
готовятся, что передел столов
грядёт, а к нему каждый не готов.
Давид в доверие спешит войти
ко Святополку. Он ведь на пути
преемник, тот, что Всеволоду вслед

займёт престол по истеченьи лет.
А Святополка радует и лесть,
и то, что вскоре сможет власть обрести...
Владимира бояться. Видит Бог,
что не за что, ведь он среди дорог
ни разу «через лествицу» не шёл
и тем средь всех доверие обрёл.
Но войско всей Руси под ним давно.
А мало ли что вытворит оно?
Миролюбивый отрок в детстве, он –
хранитель княжества отца, закон
держал, отпор мог дать всегда,
но ведь не бунтовал он никогда...

Глава 25. Смерть Всеволода

А вот и 91-й год.

Дурные он знамения несёт:

затмения, то бесы, то волхвы.

И в это время, как поймёте вы,

уж половцы на следующий год

идут. Неужто поражение ждёт?

Ведь та земля Куманией была:

и чёрных там, и белых собрала,

так прежде называли племена.

Объединились и идут. Страна

из многих княжеств словно замерла

и всех столов ворота заперла.

Владимир в Киев отослал своих:

свободнее решать было без них.

А зарево за стенами горит,

хан Шарукан беду для всех творит.

И в сотый раз Владимир удручён:

объединились половцы, а он

князей не мог объединить никак,

где каждый каждому – незримый враг.

Когда ж они поймут: чтоб победить,

всем следует про распри позабыть,

на половцев единым кулаком

ударить... Разговор же их знаком.
Все ждут, чтоб Всеволода хоронить
и заново столы все поделить.
Настала осень, стих пожар огней.
Он в Киев едет за семьёй своей.
Отец уж не выходит из дворца,
в душе горит тревога за отца.
Отец о внуках думает и нём,
а более ничем не удручён.
Сестра его от Генриха бежит,
и в церкви от неё письмо летит
об унижениях, которым он
подверг жену, церковей поправ закон.
Но её ловят, прячут в монастырь...
Проблем немало. Но родная ширь
Владимира смиряла, помогать
ему пыталась, как родная мать...
И Всеволод пред вечностью просил,
чтобы сестру Владимир не забыл
и не оставил. Клятву тот даёт...
Отец же день от дня всё устаёт...
Уехал сын. Предчувствуя беду,
отец зовёт. Тот говорит: «Приду...»
Владимир с Ростиславом у одра.
Похоже, что прощаться им пора.
Нет, Всеволод не стал их поучать.

Владимиру он поручает мать
и сетует, что не давали жить
все родственники, только суд вершить
стремились да выклянчивать столы.
Конечно, они были не правы...
И вот уж в потолок глядит отец.
Земной судьбы означенный конец
так близок. Он одной ногой уж там.
Скользит глазами он по сыновьям
и молится, чтоб в этот горький час
не оставлял его Господь. Тотчас
Владимир просит, чтоб благословил,
как дальше жить, его чтоб вразумил.
Но тот молчит. Уже гонцы летят
всех созывать, как много лет назад.
К исходу дня затих он навсегда.
В дом Мономаха враз пришла беда.
Как быть? Ведь станут многие просить,
чтобы ему великим князем быть.
Заманчиво. Но не ему ли знать,
что сразу же начнут все воевать.
Да, на три года старше Святополк,
хитёр, труслив, но он совсем не волк,
скорей, овца... Но пусть народ поймёт,
кого великим князем назовёт.
Бояре ждали. Он им отказал.

Отца в последний путь он провожал.
Жизнь велика. Успеет он ещё.
Смахнув слезу скупую с влажных щёк,
стал собираться он в обратный путь.
Иди и ничего не позабудь.
Не дай своим врагам торжествовать.
И Святополка незачем встречать.
С ним уезжали все, кто за отца.
Он ехал и не опускал лица.
Знал: трудности да и лишения ждут.
Но те, кто верят, всё переживут.
Невесело и лошади бегут...
Наутро Святополк явился тут...

Глава 26. Святополк. Новый передел

Владимир, Ростислав к себе идут
по княжествам. Не появившись тут,
узнали, что Смоленск уж отобрал
у Мономаха Святополк. Туда
Давыд отправлен. Нет, не ропщет князь.
«То воля князя», – скажет, помолясь.

Но думает, что этот передел
оставить его может не у дел.

Чернигов удержать бы и Ростов,
Переяславль и Суздаль. Он готов
и Новгород, где сын сидит, хранить.
Чернигов ведь отнимут, может быть,
сейчас он в силе, а Олег придёт,
едва лишь слабину он в нём найдёт.
И Киев ропщет. Святополк не мил.

Он греческих пригрел что было сил,
печерские к Владимиру хотят,
на Святополка даже не глядят.
Могучий Мономах сидит. Туда,
в Чернигов, посылают города,
гонцы с купцами тянутся. Олег
в Тьмутаракани затаился сам.

А половцы всё скачут по лесам,

почувствовав, что вдруг слабее всех
стал Киев. И опять беда грядёт.
Вот-вот Дикое Поле оживёт.
От Всеволода смерти радость в них
возникла, ликований гул не стих.
И половцы потребовали мир,
а это значит – золота, ведь пир
устроивали им князья тогда.
Но Святополк, не ведая стыда,
уклад столетний нарушает враз,
в темницу бросить их – таков приказ.
Безумный, кто сражаться будет, где?
Расходятся кругами по воде
проклятья Мономаха на глупца.
И в Киев посылает он гонца.
Пусть покупает мир любой ценой.
У половцев теперь и тон иной.
Бояре просят Святополка. Он,
своею гордой спесью опьянён,
готов и воевать. Вояка сам
он никакой. Владимир по лесам
в Михайловском уж ждёт монастыре.
И Святополк приехал на заре.
Тут выговорил брату Мономах:
«С кем будешь воевать? В твоих руках
нет ни дружины... Срочно замиришь...»

Но Святополк твердит ему: «Смирись.
На битву мы с тобой поедем, брат.
А выиграем, что ж, тогда я рад
и мир у них купить на много лет.
Или боишься?» Но ответа нет.
В раздумьи Мономах. Он клятву дал
и крест со Святополком целовал.
Владимир да и Святополк сей миг
в пещеры – Феодосий чтоб помог,
а с ним, конечно, и великий Бог –
минуту эту горькую постиг.
А Ростислав остался у Днепра.
Идёт Григорий мимо, знать, пора
воды набрать, а воины ну срамить
его, тогда и стал он говорить:
«Настигнет суд вас. Знаю, быть беде.
И вы, и князь найдёте смерть в воде...»
Из Киева уже выходит рать.
Как мало воинов удалось собрать!
Но ни Давыда оба, ни Олег,
который приказаньем пренебрег,
дружин не шлют. Идут они на рать
не побеждать, а просто умирать.
За Святополка спесь таков ответ.
В шатре Владимир им даёт совет –
смириться и просить мир... Воевать –

так Святополк решил. Ни дать, ни взять,
безумцем управляют небеса.

А что потом случилось, слушай сам.

Брат Ростислав убит, такой позор
для русов был неведом до сих пор.

В Чернигове войска собирает князь.

Такого не бывало отродясь.

В осаде города. В ответе кто?

Убили Ростислава ни за что,
за гонор Святополка. Лишь тогда
мир просит он. Такого никогда
допрежь не знали. Он берёт княжну,
чтоб мир и чтобы обрести жену...

Глава 27. Снова в Переяславль

А вот и 94-й год.

Олег тьмутараканский вновь идёт,
и он с собою половцев ведёт
впервые против брата. И народ
вдруг ужаснулся. Как же можно так?

Ведь вроде бы и брат ему не враг.
Но родовой Чернигов ждёт его,
кроме него, не хочет ничего.

Давыд пред этим в Новгород пришёл,
и выгнал он Мстислава; тот нашёл
приют в Ростове. Обступил Олег
Чернигов, Мономахом пренебрег.

Да, этот враг отныне навсегда.

Уж сорок лет Владимиру. Беда.

Придётся ему город отдавать,
дружины нету, с коей воевать.

Оставил сыну, чтоб того хранить.

Чернигов же в осаде. Стало быть,
прошла неделя, брату шлёт гонца –

готов в Переяславль он убраться,
пропустят их спокойно – сохранит
с Черниговом он мир. Да, знаменит,
но не один же выйдет он на бой.

Наутро проходили, как сквозь строй...
В Переяславле нынче наш герой.
Но начал с главного – войска собрать
да Святополку грамоту послать,
что вновь в Переяславле. За собой
оставил право – половцев стеречь.
И просит он его не пренебречь,
прислать и деньги, да и тех, кто б смог
сражаться вместе, как велит им Бог.
И караваны вновь сюда идут.
Купцы всегда желанны, и их ждут.
Зимою Евпраксию вызволять
пришлось, ей на Соборе выступать,
про истязанья мужа говорить.
Епитимью ей даже наложить
не захотели, раз такой навет.
А было ведь всего двадцать пять лет...
И город возрождает свою мощь.
Теперь и воевать уж он не прочь.
Остёрский городок, что на Десне,
уж строит он осознанно вполне.
Давыда он из Новгорода вон
тем летом выбил. И таков закон:
Мстислав там снова. Младший князя сын,
что Изяслав, отправился один
на княжение летом тем в Ростов.

И в эти дни пустеет княжий стол.
Мы молоды, пока детей толпа
сидит вокруг нас. Напрасные слова...
Стареем. Ничего не сделать тут.
Когда-нибудь все младшие уйдут,
оставив нас со старостью одних...
Да, греков очень много среди них,
тех, кто в Переяславле. В трудный час,
как половцы нацелились на нас,
презрев столь шаткий мир. Известно им:
Владимир, злобной долею томим,
надеяться не может. Кто придёт?
Теперь он сам со всеми бой ведёт.
Константинополь и предупредил,
что Тугоркан погоню снарядил.
Пришли гонцы: «Плати, а то война!»
Их успокоил Мономах. Мол, «нам
от Святополка разрешение ждать».
Да те и сами, в общем, воевать
и не хотели. Чтоб сомнений дым
развеять, к ним поедет его сын.
А Святославу десять лет едва.
От страха еле говорит слова.
«Не бойся, сын, – он говорит ему, –
тебя на рать меняем. Самому
печалиться не стоит. Час придёт,

врагов наших возмездие найдёт...»
В Переяславль въезжает хан Итларь.
Почёт ему оказывают. Встарь
так принято. Собрались на совет.
Решили выкрасть княжича. В ответ —
убить всех. Но Владимир, видит Бог,
решиться слово рушить всё не мог.
Он взял Псалтирь, страницу отворил
и подтверждение словом получил.
Всё решено. На завтра этот план
должны были и выполнить. Он сам
впервые рушит слово. Дорог сын.
Но, как ни выбирай, а путь один...

Глава 28. Разгром половцев. Смерть Изяслава

С утра для Святослава шубу вдруг
везут, чтобы узнать, где он сам-друг.
Выведывают тщательно пути,
которыми потом его везти.
И в полночь, ночь февральская темна,
все к стану приближаются. Стена
из воинов подкралась вдруг к шатру
и, ввязываясь в дерзкую игру,
уводит княжича. Раздался волчий вой –
то знак для нападения стеной.
Никто и оглянуться не успел,
как хан Китана в вечность полетел.
Итларь в Переяславле сладко спит.
Проснулись, князь прийти ему велит:
«Только позавтракайте». Но, едва за стол
уселись, коромыслом дым пошёл,
убили всех. Но княжич был спасён.
Владимиру понятно: вскоре он
на половцев пойдёт. Зовёт их месть.
А Святополк – да он, конечно, здесь.
Зовут Олега. Говорит, придёт.
А после оказалось, что он врёт.

Понятно Святополку уж давно,
что они с Мономахом заодно,
что некогда считать, пора спасать
все княжества. И нет пути назад.
«Идти нам в Дико Поле надо, брат».
Невиданно всё это. Говорят,
что ждали все обычно их приход.
Настаивает Мономах, а тот
с ним соглашается, ведь главный он.
И подчинился Святополк. Смирён,
доверился он опыту, что брат
завоевал, чему и сам был рад.
Олега ждали, но напрасно: «Что ж,
когда-нибудь и сам ты к нам придёшь».
Два дня пути – и половецкий стан
пред ними. Появились, как незван,
всех полонили и разбили всех.
И этот неожиданный успех
обрадовал тут Святополка вмиг.
Итларев сын Олегом был храним,
а надо бы расправиться и с ним.
К Олегу посылают напрямик
гонца: «Убей ты сына иль отдай.
Ну сколько ж может столь богатый край
от половцев набеги принимать?»
А не пора ли съезд им собирать,

чтоб вместе всем страну оборонить?
И Святополк, уж так тому и быть,
согласен с Мономахом в этот раз.
95-й год идёт сейчас.

Сын Изяслав тут Муром вдруг отбил
и к землям Мономаха единал.

Олег не отвечает. Ну так что ж?
Придём к тебе, и ты тогда поймёшь.

Давыд с Волыни с ними заодно.

Вот заперся он в Стародубе, но
осаду нету больше сил держать.

А значит, надо мир им заключать.

И он сидит, не поднимая глаз.

И в Муром уезжает он тотчас.

Над Мономахом вновь звезда взошла.

Под ним почти столы все собрала.

Чернигов не опасен им пока.

Олег же Мурому наверняка
грозить задумал. Половцы опять
хотят с землёю нашей воевать.

Но хан Боняк наголову разбит.

Владимир убедился, что грешит
тот, кто их ждёт: «Иди навстречу им –
и будешь ты всегда непобедим».

Да, хан разбит. Но сам бежал, и вновь
он половцев приводит за собой.

Печерский монастырь разграбил он,
и множество людей ушли в полон.
Нет, хана не догнать. И сей же час
мятежники терзать желают нас.
Олег из Мурома всех гонит прочь.
Нет, крестник не согласен им помочь.
Бой завязался. Изяслав убит.
Олег коварный по степи летит.
Владимир и не ведаёт, что сын
погиб достойно. Для его седин
немыслимо такое и узнать.
Олег решил и Суздаль враз прибрать.
Сколь горя он принёс земле родной!
Но впереди рассказ ещё большой...

Глава 29. Олег, брат мой...

Задумался наш князь в который раз,
как много горя всем Олег припас.
Но нет ожесточения, готов
он брату написать немного слов.
Он просит вспомнить: «Много ли возьмёшь
с собою, как на Божий суд пойдёшь?
Да, горько, что погиб любимый сын,
но на войне погиб не он один».
Князь призывает мирный дать ответ.
Написано. Едва забрезжил свет,
послал Олегу. Но в безумьи тот
на Новгород, где сын Мстислав, идёт.
И вече вопрошает наш Мстислав:
«Уйду, коль против вы. А если прав,
то на защиту надо вместе встать,
чтоб не сумел Олег людей достать».
Олег оттуда к Суздалю идёт,
но удержать не сможет и зажжёт.
Мстиславу не догнать. Ушёл опять.
Ну сколько его можно догонять?
Сын Вячеслав – пред Мономахом. Тот
к Мстиславу на подмогу его шлёт.
Хотят Олега в Киев привезти,

судить его. Ну как его простить?
Смертей так много, горестей вокруг,
и самый страшный враг – вчерашний друг.
Но вот Мстислав гонца к Олегу шлёт.
Тот согласился, но он не придёт:
он время тянет, чтобы сил набрать.
Мстислав обедал, но Олег опять
тайком, как вор, пришёл. Но не застал
врасплох: Мстислав давно уж воевал.
Переяславцы, половцы идут.
Олег заколебался. Их все ждут.
К Мстиславу Вячеслав уж подошёл.
Олега гнут, а тут и слух прошёл,
что Мономах пришёл, и взвился стяг.
Смутился и Олег. Ну как же так?
«Сам поквитаться он решил со мной
за земли, за Чернигов мой родной?»
И дрогнули все воины, Олег
сдержать не в силах оказался всех.
Бежит он в Муром, пленных вдаль ведёт.
Совсем немного времени пройдёт,
и он не усидит. Оставлен брат
его, что Ярослав. И он не рад.
Ворота открывает, отдаёт
всех тех, кого Олег к ним в плен ведёт...
Да, клятву дал, что больше никогда,

какие бы ни пронеслись года,
не встанет уж на брата, видит Бог.
Не верить наш Мстислав ему не мог.
Задумался Владимир в сотый раз,
за что Фортуна вовлекает нас
в войну с родными. Вот гордины плен.
И не встаём мы от неё с колен.
И бьёмся за поживу, за столы,
заложники убийственной игры.
И погибаем, право, ни за грош.
Родных мы не жалеем. Да за что ж
обречены друг друга убивать?
Возмездие ведь ждёт нас. Как не знать?
Пора объединяться, видит Бог.
Давно мечту лелеет средь дорог...
Вот вынимает тело наш Мстислав
своего брата Изяслава. Прав,
везёт его к себе похоронить.
Иначе он не может поступить.
Даёт дружине в Муроме покой,
чтоб отдохнуть. И вновь над головой
одна лишь мысль – Олега разыскать,
чтоб к миру непременно призывать.
В Рязань идут, да только нет и там.
Где он – никто не знает. По пятам
за ним давно гонцы несутся в ночь,

чтоб князю своему найти помочь.
В избе на Поле Диком он сидит,
посланцев слушает: «Мстислав чудит.
Не жёг мой Муром и княгиню чтит.
Неужто смерть и брата мне простит?»
Конечно, некуда ему идти.
Поверил крестнику. Господь, прости,
пришла уж примириться им пора.
И в 50 непросто без двора,
без слуг и без дружины... Стало быть,
видать, и вправду надо примирить.
Олег поднялся и целует крест.
На всё согласен ныне и окрест...

Глава 30. Любечский съезд князей. Часть 1

Ещё совсем недавно он не мог
о том подумать. Впрочем, ведь сам Бог
сызмальства мысль эту ему внушил.
И наконец Он сбыться разрешил
желанию такому. Как Олег
капитулировал, Владимир всех
уговорил – мол, встретиться пора,
всё обсудить. Ведь половцев игра
грозит им всем. Поодиночке вмиг
лишатся княжеств дорогих своих.
Сначала согласились – Киев-град
принять всех сразу оказался рад.
Но взбунтовался сам Олег вот тут –
а вдруг тогда в полон его возьмут?
Давыд и Ярослав в отказ пошли,
но думы Мономаха враз нашли,
что предложить собратьям, – Любеч свой.
Он безопасен, укреплён, любой
спокойно там осаду пережить
сумел бы. Мономах им дорожит.
«Я рад гостями вас там всех принять.
И искренне могу вам обещать,

что безопасно там. Порокой сам».

Но дело в том, как показалось нам,
что киевскому князю веры нет.

И уж давно твердил о том весь свет:
Переяславль и Киев – как стена.

Но распрямить не силилась страна,
она ослабевала день за днём.

А ведь князя как будто ни при чём.

Кто сеял рознь, кто стравливал людей,
кто настоящий по судьбе злодей?

Ответ один – они в борьбе за стол
готовы уничтожить всю родню,
какая есть, я их не извиню.

Но час для единения пришёл.

Все с чаянием ехали туда.

Да, непростые то были года.

И каждый ссору с братом затевал,
как будто про Христа и не читал.

Василько был с Давыдом на ножах.

Олег и до сих пор с огнём в очах

Чернигов возвратить хотел, чтоб брат
Давыд опять Смоленску был бы рад.

Василько же Давыду всё грозит.

Ничто его, к несчастью, не смирит.

Вот в чём его исток грядущих бед,
хотя и оправдания им нет.

Боялся Святополк и так хотел,
чтоб подчинялись все ему средь дел.
На Мономаха вся надежда; тот,
как понял Святополк, всегда найдёт
слова и силы, чтобы убедить
князей своё влиянье укрепить...
Но ведь не для того Владимир наш
зовёт всех. Надо, чтоб на абордаж
взять половцев мы наконец смогли.
Он с юности воюет, чтоб земли
коснуться ни один степняк не мог.
Заветы Ярослава он берёт.
А остальные только о столах
да о наживе. Что там в головах
князей, не знаю. Отсидеться б всем...
А как же разрешение проблем?
В едином войске – половцев беда.
В мечтании таком прошли года,
и вот пора хоть что-то начинать,
чтоб по земле врагам не кочевать,
не обирать, не жечь родной земли...
Но чем тогда заставить бы могли
князей, чем же их можно припугнуть,
чтоб выбрали все единенья путь?
Приехал Святополк. Олег и брат
Давыд... Хотя Олег совсем не рад,

но оценил он Любеч, ведь такой
ничем вовек не взять. Олег лихой,
не ведая, как встретит Мономах,
грустил. Но тот, укрыв печаль в глазах,
протягивает руку... Мир опять.
Казалось, можно было ликовать,
да рано. Как их всех уговорить?
Но надо начинать. Что ж, так и быть...
Он начал: «Братья да и сыновья!
Давно многострадальная земля
зовёт нас к единению, ведь враг
так многочислен, множество атак,
а сами мы воюем меж собой,
а надо было б на врага гурьбой...»

Глава 31. Любечский съезд князей. Часть 2

Он продолжал: «А половцы гурьбой
всё разорят, что строим мы с тобой.
Приходят воровать да угонять
людей работных. Что же предпринять,
чтоб этому положен был предел?
Не верю, чтобы каждый не хотел
избавиться от них и мирно жить.
Кто б этому предел мог положить?
Давайте же забудем распри враз.
И кто кого обидел – всё вернём
и заново историю начнём,
как Ярослав велел в свой смертный час».

А уж в палатах нарастает шум.
Так трудно нынче всем князьям за ум
враз взяться. Распри они вносят вдруг,
Олега обвиняют все вокруг.

Он отвечает. Земли захватив,
всё вмиг в своей судьбе переменив,
ну кто его посмеет упрекнуть,
что он такой по жизни выбрал путь?
Все разошлись, советует им люд
просить побольше, раз уж так ведут

все речь. А Святополк и Мономах
всё думали, как им рассеять страх,
все распри, недовольства. Как делить?
Как на согласие всех уговорить?
Стыдил всех Николай-митрополит:
«Послушайте, что князь вам говорит...»
И наконец порядок утверждён.
Вернули всё, что им принадлежит.
Чернигов не Олегу возвращён,
теперь Давыд в Чернигове сидит.
Митрополит крест целовать давал
и говорил при этом он слова:
«Нарушит слово кто, и крест честной
того накажет». Отвечал любой,
что крест честной, вся Русская земля,
грозу клятвопреступникам суля,
пускай накажет всех. Пир громкий был,
и каждый благодарность говорил...
Наутро разъезжаются они.
А Святополк с Давыдом – в Киев, дни
не зря прошли. Василько им вослед,
в Михайловском он храме много лет
и не молился. Мономах пока
здесь, в Любече. Могучая рука
старается князей сдержать. Но вдруг
ужасной вестью с Киева, из рук,

что к Святополку близко, говорят:
Давыд и Святополк Василька ослепят.
Теперь же во Владимир и везут.
Был Мономах доволен всем, а тут
такие вести. Господи, спаси!
Опять не будет мира на Руси!
И рухнуло, что создано трудом
Владимира. Нежданно всё притом!
Крест целовали... Верить-то кому?
Схватили в Святополковом доме,
да в Белгород свезли, да на полу
в избе, доскою придавив (не вру!),
два глаза выдавили, а потом
в Волынь в темницу отвезли гуртом...
Нет, допустить наш Мономах не мог
войны опять. Мне кажется, тревог
достаточно, переговоров, драк.
Пора уж разобраться, кто твой враг.
Он собирает войско, шлёт гонцов
к Давыду, Святополку... Нету слов,
звал в Городец, просил восстановить
мир на земле. Олег: «Что ж, так и быть».
Сказал, что будет. Спорить нету сил.
В шатре у Мономаха проходил
совет. Олег – что Киев надо брать,
чтобы случай всем такой не упускать.

Конечно, хоть Олегу и не быть
великим князем, жаждет отомстить.
Но Мономах, он знал, что княжить там
придётся, вот и не хотел он сам
вред причинить, ведь правил там отец.
Давыд Олегов подсказал конец
для спора: надо им послать гонцов.
Когда они пришли, то горьких слов
услышали немало – Ярополк
убит им был. Какой тут в мире толк?
Напрасно говорит, что, мол, не он
и ослепил, Давыда то закон.
Но город твой, и ты великий князь,
так отвечай же, Богу помолясь...

Глава 32. Междоусобицы

И стало ясно: Святополк вины
признать не хочет. Значит, мы должны
прийти к нему и Киев наказать,
чтоб после неповадно и дерзать
так поступать. И Днепр перешли.

А в городе волнения пошли.

И Святополк уехал от греха.

Бояре собрались. Беда лиха.

Решили к Мономаху высылать
митрополита, чтобы унимать,
и Всеволода добрую вдову,
чтобы уговорила наяву.

Как только Мономах с ладьи сошёл,
к нему митрополит и подошёл,
да Анна, да бояре. Речь ведут –
не воевать и не губить всех тут.

И Мономах тогда припомнил год,
да как бежал из Киева, и вот
теперь опять. Бунт не допустит он.

Да Анна просит. И со всех сторон
уговорили. И послы опять
меж спорщиками начали сновать.

Конечно, сам Владимир мог бы взять

и власть, и Киев. Нет, никак нельзя.
Отец велел дожидаться свой черёд.
Давыд же во Владимире, а вот
Василько с ним. Толкуют Святополк
и Мономах. Никак не взять им в толк,
пошто Василько он не отдаёт.
Да тут Василько сам гонцов им шлёт.
Мол, помирились. Не воюйте зря.
Всё рассудила новая заря...
Князя назад. Забыли, что Давыд
не первый год всем головы дурит.
Поверили и по домам пошли.
Год 99-й. Весточки пришли,
что ничего Давыд не возвратил.
Напротив, всем он нагло говорил:
Василько добровольно всё отдал.
И брат Василька, Володарь, тогда
сказал: «Отпустишь брата – примирюсь».
Василько был измучен. Не боюсь
сказать, что сломлен. Брата тот забрал
и в Перемышль войска свои погнал.
Давыд к Владимиру, навстречу весть,
что братья взяли Всеволожск, как есть.
А город жгут, всех убивают, чтоб
за ослепление отомстить, поклёп
с Василька снять. Давыд к себе назад.

Владимир обступили и грозят.
Отдай, мол, кто Василька ослепил,
а то сожжём весь город. Нету сил,
сказали горожане: «Не отдашь –
откроем сами, и не думай даже».
Тот отпустил убийц, потом вослед
послал за ними. Братьям шлёт привет
и двух убийц. Они повесить их
спешат, туда скорей стрелков своих
послали, чтобы расстрелять тела.
Такая вот расплата к ним пришла.
Но лишь утихло, едет Святополк
к рукам столы Давыдовы прибрать.
И начал на Василька наседать.
Но братья отвечали так, что, рать
бросив, Святополк к себе идёт.
И новую заботу он найдёт.
Сын Святополка, что Мстислав, тогда
сел во Владимир. Но не навсегда.
Когда Давыд Владимир осадил,
погиб Мстислав, под стрелы угодил.
Владимирцы ко Святополку враз –
избавить просят от лихих проказ.
Два года продолжались бои,
смешались чужие и свои.
В Переяславле Мономах сидит,

с печалью он на всё это глядит.
Кто б мог подумать, что желанный мир
между князьями – словно вечный пир,
призами выступают все столы,
дружинники жестоки и смелы?
О Господи, а половцы вокруг
момента ждут, чтобы разграбить вдруг...
Доколе ждать, как образумить всех?
Владимиру совсем не до потех.
Отстроил он Остёрский городок,
Переяславль укреплял как мог,
и выиграл он в войнах больше всех,
хоть не чинил и никому помех...

Глава 33. Усиление Киева

Никто его селений не громил,
никто за нападение не бранил.
Чем дольше войны длятся, дорог был
тот, кто когда-то в Любече мирил
князей спесивых, ведь известно тут,
что часто иноземцев все ведут...
Нет, Мономах всем говорил всегда:
нельзя, чтобы чужие сквозь года
боролись на Руси. 1100-й год.
И всех к нему обиженных несёт.
Все жалуются. Ну а мир далёк,
как от ночной лучины уголёк...
А Святополк уж паутину плёл,
чтобы Давыд возмездие нашёл.
Не сам ли поддержал его тогда?
Забыты пролетевшие года...
А Святополк ругается, что сын
у Мономаха в Новгороде. Кинь
сети все и прекрати мутить,
но Святополка не остановить.
Нет, не по чину. Должен сын его
там быть. И не желает никого,
тем более чтоб Мономаха сын

сидел там... Да к тому же не один...
Владимир слушал всё и понимал,
что под Волынь тот клинья подбивал.
А всё обставил, что Давыда он
решает наказать — таков закон...
Но как сему противиться, коль враг
уж окружил и только ждём атак?
Боняк хан рядом, да и Шарукан,
всех половцев, что между Доном, хан...
Да, делать нечего. Витичев-град
принять князей всех оказался рад.
Давыда оба, Святополк, Олег
и Мономах, конечно, среди всех.
Давыда вызывают на ковёр
в шатре. И всё, чем прежде он хитёр,
против него и обернулось враз.
Готов услышать княжеский приказ.
И первым Мономах ему сказал:
«Ты сам прийти сюда пообещал,
чтоб жалобы свои подать ты мог.
Мы будем разрешать их, видит Бог.
Так на кого те жалобы?» Молчит
и ничего он им не говорит.
Ведь Мономах просил не воевать
да и столов чужих не забирать...
На Святополка, что унять пришёл,

но пониманья так и не нашёл?
На Василька, Володаря? Их он
сам изгонял, презрев былой закон,
при коем целовал он крест честной!
А он? Он сам пошёл на всех войной...
Он понял, что против него – князя
и даже Святослав. Уже нельзя
своей защиты у того искать,
кто земли его хочет отобрать...
Он постарел уже и погрузнел,
но добрых слов услышать не посмел.
Все снова возвратились по домам,
и без него переговоров гам
идёт. А он в шатре решения ждёт.
Страшится, зная, что оно несёт...
Но некого винить. Виновен сам.
Не надо было верить словесам,
что Святополк легко так говорил
и тем его на битву проводил,
подзуживал Василько ослепить,
но не желает помощь приносить.
Свершилось. И бояре ото всех
несут свой приговор. Стихает смех.
Какой тут смех? Решается судьба.
И вот какие слышит он слова:
«Уходишь из Владимира, теперь

червенских городов открыта дверь».

А за убытки двести гривен он
получит золота, Владимиром дарён.

Володарю отходит Перемышль,
чтоб взял Василька. Вот и весь в том смысл.

Другие города, хоть и не прав,
взял Святополк, и сын там Ярослав
пусть сядет... Делят второй раз князя
столы, и изменить уже нельзя.

Да, Киев тут усилился, но всё
забрать не дали, и Давыд спасён.

Дорогобуж ему ещё дают...

А половцы почти что тут как тут...

Глава 34. Думы Мономаха

А Мономаху сорок семь годов.
Он воевать по-прежнему готов.
Но надо войско же ещё собрать,
что с половцами сможет воевать.
Витичев примирил уж всех князей,
чтоб не искали воинских затей.
Пора объединиться, чтобы враг
не смел на Русь и сделать первый шаг.
Подумать страшно: против брата брат
воюет. И никто тому не рад.
А в рабство угоняют всех подряд.
И половцы лютуют и царят.
А на Волыни хан сидит Боняк,
Давыда прикрывает, только так,
от гнева Святополка. Боже мой,
сам Святополк ведь тоже не святой.
Хотел ведь он Давыда наказать
лишь для того, чтоб земли его взять...
А седина искрится в волосах.
Но снова рассуждает Мономах.
Изведал много, много он прошёл,
но только вот нигде он не нашёл,
где иноземцев звали на войну,

чтоб обескровить милую страну,
где вместо братства рознь была и спесь,
такого не встречал нигде он здесь.
Из-за войны за смердов и столы,
конечно же, князья были смелы.
А вот святое было ль что для них?
Покуда зов их алчности не стих,
покуда иноземцев к нам ведут,
зачем, скажите, по церквям идут?
Ведь верующий истинно не мог
врагов вести на Русь, своих тревог,
своих печалей не делил с врагом,
что топчет нашу землю сапогом,
что алчно забирает урожай,
стране приносит беды через край,
что в плен уводит женщин и детей
в неукротимой жадности своей...
К тому же половцы порой князей
в оружие превращали для своей
потребности всех ссорить и царить,
не позволяя души примирить...
Ну как запрячь в упряжку всех князей,
чтоб с половцами справиться быстрее?
На Новгород сам Святополк глядит,
где Мономаха сын давно сидит,
на дочке шведа-короля женат.

Непросто будет отогнать назад.
Да с ляхами мудрует Святослав,
дочь королю ведь польскому отдав...
А угры на Волыни много раз
бывали, исполняя там приказ
от Святополка. Святославичи –
Олег, Давыд и Ярослав – к печи
приклеились. Их нелегко поднять.
Но половцев же надо усмирять.
А Ростиславовичи – всех враги.
В шатрах Боняка их слышны шаги.
А вот Всеслав из Полоцка стал стар.
И прежде никогда не помогал...
А как бы славно вместе всем в поход,
да и тогда, когда никто не ждёт...
Остановился близ дубравы князь,
перекусить присел он, помолясь.
Вдруг видит, что корову смерд ведёт,
с ним лук и стрелы да топор несёт.
«Ты чей?» – «Я – смерд Владимира...» –
«Пасёшь?»
Оружие зачем с собой несёшь?» –
«Нет, не пасу его. Гоню домой.
Оружие моё всегда со мной.
Кому охота, чтоб угнали в плен?
Пора уже подняться нам с колен.

С сохой иль с бороной, без топора
не выхожу теперь я со двора...»
Какую силу половцы берут!
Уже в его владения идут,
в полон угонят, отнимая скот.
Но бедный смерд не ропщет на господ.
Не князь ему защита, а сам он
себя спасать всё время принуждён...
Какой позор! Но как же всех собрать,
чтоб одолела половцев та рать?
Без хитрости, похоже, нам никак.
А исхитриться, чтобы сгинул враг,
ему придётся, ведь его мечта
о русском войске – вовсе не тщета...

Глава 35. Согласье на поход. 1100-й год

Напрасно ждёт согласия на поход.
В Переяславле он живёт сей год.
Они ни «да», ни «нет» не говорят,
но тихо по своим столам сидят.
Что делать, коль терпенье через край?
А ты в Смоленск скорее поезжай.
Да вот ещё проблема, что Мстислав,
он в Новгороде, но лишить всех прав
задумал Святополк уже давно.
И сразу Мономахом решено –
игру вести, чтоб Новгород за ним
остался. Оттого, судьбой храним,
в Смоленск Мстислава призывает он.
Тот был послушен, в битвах искушён,
он чтит отца и верил, как себе.
Помощником он стал ему в борьбе.
Князь, размышляя, сыну говорил,
что Новгород у них бы попросил
сам Святополк, коль к половцам пойдёт:
«Придётся согласиться, – речь ведёт. –
А он тебе Владимир посулит.
Не надо делать недовольный вид.

Согласие на это дашь ему.
Конечно, неохота самому
отдать нам Новгород. Да и нельзя.
Ведь пол-Руси у нас с тобой в друзьях,
и Суздаль, и Ростов, Смоленск, да он...
А значит, раз пошёл такой уж звон,
с боярами, владыкой говори:
нужны ль им эти княжества твои?
Ведь Святополк мутит, владыка сам
не раз и говорил об этом нам...»
Мстислав уж понял, что тут за игра
ведётся: Святополка со двора
руками новгородцев и прогнать.
Отец не хочет Новгород отдать.
Потом в Ростов он едет, чтоб в поход
людей готовить. Пешцев строй идёт,
порой не до конца вооружён.
А потому особо хочет он,
чтоб стрелы, щит, копье и топоры
у каждого, чтобы исход игры
был предreshён. Посадников зовёт,
чтоб знать, какой народ на бой пойдёт.
Приходит весть – Всеслава больше нет.
Он не давал покоя столько лет,
а ныне упокоился и сам.
Делить же всё придётся сыновьям.

Владимир наш святыню ищет сам
и создаёт, чтобы назло врагам
их Богородица прогнала. Он
решил, что храм в Смоленске заложен
во имя Богородицы. Пора
святить и основание. С утра
спустился в яму, заложил кирпич.
Весь день гуляли. А наутро – клич,
идут в полки они народ сзывать.
Никто ему не смеет отказать.
А к лету Святополк князей зовёт
на реку Золотчу. И речь идёт
о примирении с половцами, им
заказан нынче путь. Поговорим
об этом мы с тобой в главе другой.
Не мир их усмирит, а честный бой.
Всё знает Мономах. Не воевать
хотят князья, а мира добывать.
А сколько раз тот мир обещан был,
никто и не считал. А сколько сил
потрачено, чтоб вновь восстановить
всё то, что смели половцы отбить?
А сколько сведено людей в полон?
Нет, ни одной семьи не знает он,
где не было б таких. Вестимо, им,
неукротимым половцам лихим,

вольнó кормиться на хлебах чужих!
И Мономах давно это постиг:
«Лень воевать князьям. Что ж, соглашусь,
сквозь слёзы я над ними посмеюсь,
когда опять на Русь придут враги.
Ну а пока терпенье береги...
Пусть думают, что в мир поверим мы.
А лучше пожелать бы им сумы.
А лучше бы желание отбить
от года к году к нам на Русь ходить...
И всё ведь есть для этого. Но как
заставить силы все собрать в кулак?»
Да, терпеливец был великий он.
И выиграть по жизни принуждён...

Глава 36. Вечный мир

А на Золотче половцев Орда
от всех колен тотчас пришла туда.
Послов прислали, чтобы передать
слова, что Святополк спешит сказать.
Он выговорил все обиды им,
невольной болью русскою томим,
про все обманы половцев в тот час
послам он рассказал, как я сейчас.
И видно было, что им донесли:
князья готовят сбор всея земли,
чтоб половцев навеки прогонять.
Но этого не стоит допускать.
Ведь им не нужен мир, а им нужна
такая постоянная война,
мгновенный выход к нашим городам,
которые и грабили тогда.
Внезапно возвратиться, продавать
в полон того, кого сумел поймать.
Как жить им без набегов? Видит Бог,
сам половец без этого не мог.
На пастбищах чужих кормил коней
всю жизнь свою в течение долгих дней.
Ну а покуда слаб, и мир хорош.

Потом его нарушим. Ну так что ж?
Как можно заключить там вечный мир?
Разбой и воровство ведь их кумир...
Глядел Владимир, ясно понимал,
что толку нет, он это точно знал.
Согласья между ханами ведь нет.
Таковыми родились они на свет.
А Святополк с князьями на него
переложить всё хочет одного.
Не против Мономах: возглавит он
и этот бой. Но лишь один закон –
что вместе надо всем идти на бой.
А мир недолговечен. Боже мой,
всё это ведомо и им самим.
Но Мономах умел терпеть и ждать,
пока наступит день, когда поднять
придётся стяг, чтоб зазвучал наш гимн.
И он кивал. Пусть думают, что он
так хочет мир. Враги со всех сторон.
Вот в Саков прибывают все князья.
Подумал Мономах: жаль, что нельзя
убрать всех разом. Может, и они
обдумывали это? В наши дни
нельзя поверить, право, никому.
Вот разве только Богу одному...
И снова ханы с жалобой на Русь.

Играют в мир. Ну что ж, я разберусь.
Боняк сидит. Поймать бы поскорей
и уничтожить всех этих зверей.

15 сентября, 1102-й год.

Отныне вечный мир средь них пойдёт.

И вправду целый год уже почти
никто к нам не приходит. Подожди,
и Мономах задумался: вдруг въявь
установился мир? Нет, не лукавь.

Всё это время он наверняка
готовит к наступлению войска.

Он к сыновьям в Смоленск, Ростов, и сын
родился у него ещё один...

А осенью приходит весть – Боняк
вновь вторгся в его земли. Как-никак,
но этого он от него и ждал.

Скорей гонцов во все края послал.

И наконец сам в Киев он идёт.

А Святополк согласен на поход.

Пока собрались все, пока пошли,
пока к местам, где был он, подошли,
а самого его простыл и след...

И Мономах сказал тогда в ответ:

«Что, снова ханов будем созывать?

Вновь мира будем вечного искать?

Припомни, как Итларя гнали вон.

А ведь сильнее мы стали с тех времён...»
Но Святополк молчит. Лишь у дверей
сказал: «Зови ко мне всех поскорей!»
Но в Киеве Владимир ещё был,
когда с ним Святополк поговорил.
Мстислав из Новгорода пусть идёт.
А вскоре сам Мстислав к нему бредёт.
Согласен на Владимир. Те, кто с ним,
упёрлись: «Ни за что не отдадим».
И Святополк остался при своём.
Владимир, а не Новгород при нём.
Мстислава же везут назад. Отец
всё верно рассчитал. Он молодец...

Глава 37. Разгром половцев. Часть 1

Идёт 1103-й год.

На озере Долобском, март идёт,
Владимир с Святополком. Весел был
тот и, казалось, вовсе позабыл
про Новгород. Но только речь зашла
о том, что по весне пора пришла
на половцев всем двинуть, сразу тот –
«негоже» говорит и не идёт.

Мол, надо же пахать, да и сажать,
а не коней по степи выезжать...

Сомнений ведь у Мономаха нет,
что это им за Новгород ответ.
Сто раз ошибки можно ль повторять?
К ним надо по весне войска являть,
покуда скот голодный, нету сил.
Уж сколько раз к нам половец ходил
по осени! Ограбит и уйдёт.

Опять срывает Святополк поход.
«Дивлюсь, что пожалели лошадей!
А не пора ли пожалеть людей?!
Их угоняют в рабство каждый год...»
Тогда-то и услышал весь народ
про смерда, что говяда гнал домой,

вооружённый, как никто другой...

«Иль по сердцу вам этот вечный мир,
нарушенный тотчас одним из них?

А сколь ещё должны сюда прийти,
чтоб всё это до нас смогло дойти?

А не надежа ль мы своим столам?

Позвольте уж, вопрос задам я вам...»

Тогда сам Святополк без лишних слов
сказал ему: «Вот я уже готов». —

«Великое добро земле творишь,
когда слова такие говоришь!»

Гонцов немедленно всем братьям шлют,
пусть к марта окончанию придут,
чтобы потом уж всем идти на рать.

Откликнулся Давыд, чтоб выступать,
Всеслава сын, Мстислав и сыновья —
откликнулась вся Русская земля.

И лишь Олег сказал, что нездоров.

Иных никто не слышал больше слов...

Для пешцев приготовили ладьи.

В далёкий путь надолго они шли.

Оружия да и еды запас.

Дружины вдоль Днепра идут сейчас.

А пешцы на ладьях да по Днепру.

Лишь стяги развевались на ветру.

И Мономаха греет, что мечта

сбылась. Немало и князей тогда
пошли в поход. А половцы совет
ведут, но ведь единства меж них нет.
Четыре дня уж по степи идут.
И кажется, что их здесь и не ждут.
Владимир Ярополка тут послал.
Врагов недалеко он повстречал.
Их пешцы окружили, ну теснить,
да неминучей смерть должна их быть.
Всех порубили. Некому сказать,
что к половцам спешит от русов рать.
Немедленно на Дон надо идти,
чтобы проклятых половцев найти.
Но вот полки надвинулись, как лес.
Так много половцев собралось здесь.
Но не на русских землях, а в степи
им всем придётся смерть свою найти.
И наша радость против злости их.
Не испугала нас толпа лихих.
Пора отпор им наконец-то дать,
ведь для того сюда и шла вся рать.
Ударом первым половцы страшны,
но их ряды совсем уж не дружны,
рассыпаться готовы. Тут вилять
им негде. Надо пешцев посылать.
Те за щитами избежали стрел,

коней на копыя. Кто остался цел,
тех топорами. Страх напал на них.
Потом уж добивали остальных.
Убили 20 ханов, а один
был к Мономаху отведён. Причин
тому бояться нет, даст откуп он.
И к Святополку он пошёл в полон.
«Нет, к Мономаху, к брату пусть идёт...»
А там уж он и смерть свою найдёт.
Сгубила клятва ложная их всех,
погибли без надежды на успех.
Владимир дальше в степь ведёт войска,
чтоб половцев сгубить наверняка.

Глава 38. Разгром половцев. Часть 2

Дав воинам немного отдохнуть,
вновь Мономах их направляет в путь.
Коли победа, он решил давно,
в степную глубь податься. Решено.
Не зря два года снаряжал князей.
Не битвы ради, а чтоб много дней
шли не напрасно все сюда они,
победами овеяв эти дни.
И через день по станам уж идут.
Конечно, никого из них не ждут.
В стада сгоняют скот весь и коней,
чтобы явить их Родине своей.
А тех, кто был пленён, освободив,
святую благодарность не забыв,
освобождают от колодок, пут.
И дальше все свободные идут.
Людей уже на рынки гнать могли,
и вдруг они свободу обрели.
Всё забирая на своём пути,
к Днепру нашим войскам теперь идти.
Путь по Днепру, вдоль берега. Вокруг –
счастливые глаза и много рук,
что подняты в приветствии им всем,

избавившим Россию от проблем.
У Переяславля попрощался он
со Святополком. Тот был изумлён.
Не ожидал, что столько он добра
домой везёт. И вот пришла пора
с князьями попрощаться. Он сказал,
что не один поход он затевал.
Остались и Боняк, и Шарукан.
А значит, есть на них военный план.
«Да, не один нас ждёт ещё поход».
Ну а пока ликует весь народ.
И славят Мономаха, и поют,
и честь ему, и славу воздают.
А гусяры-слепцы, где ни пройдут,
всё о победе воинов поют,
о том, кто их к победе провожал
и славу для народа обретал.
В Переяславле пир стоит горой,
бояре разодеты все; герой –
наш князь. Всех за столом благодарит
и им слова такие говорит.
Так говорит, чтоб понял млад и стар,
боярин, смерд и все, кого он знал,
что не его победа – а их всех.
Вот потому и ждал в бою успех.
Победой всех спешил объединить,

для всех столы велел он застелить.

Людей всех одаряли серебром,

все ликовали за таким столом.

Для каждого чтоб в радость был поход,

ведь не один ещё раз он пойдёт.

А по Руси уже гремит молва,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.